

ВИТАЛИЙ
ДЕРЖАПОЛЬСКИЙ

НАЗАД

В

СССР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Держапольский

Халява 2

«Автор»

2026

Держапольский В.

Халява 2 / В. Держапольский — «Автор», 2026

"Итак - у тебя "кольцо всевластья". Что сделаешь ты? Ну, положим, первые два-три желания ты потратишь для себя. А дальше?

© Держапольский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виталий Держапольский

Халява 2

Пролог

1126 г. Иерусалим.

Стены мечети Аль-Акса, покрытые цветной мозаикой, жутко накалились под палящими лучами немилосердного солнца. Готфруа де Сент-Омер, один из девяти богобоязненных рыцарей Ордена Христа и Храма Соломона, выскочивший во двор по малой нужде, болезненно сморщился. Блещающие мириадой солнечных зайчиков мозаичные стены мечети, выстроенной неверными на месте Храма Соломона, и искрящийся песок нестерпимо резали слезящиеся глаза. Пришурившись, монах пересек двор и пристроился возле ближайшей пальмы. Влагу практически без следа проглотил сухой раскаленный песок. Готфруа с грустью вспомнил прохладные тенистые дубравы родной Франции, её окруженные туманом озера, даже въедливый гнус заболоченных низин казался сейчас ему Благодатью Господней. Пожилой ветеран мысленно выругался, но тут же об этом пожалел – не к лицу смиренному служителю Господа даже в мыслях возносить хулу... От диавола сие, не иначе! Наложив на себя небольшую епитимью – дюжину раз прочесть «Аве Мария», Готфруа вновь вернулся под защиту толстых каменных стен мечети «Аль-Акса», дарованной ордену королем Иерусалима Балдуином Вторым в обмен на обещание рыцарей защищать христиан, следующих в Священный город по пути из Яффы. Король не поскупился и выделил нищенствующим рыцарям южное крыло своего дворца – мечеть «Аль-Аксу». Ветеран вспомнил, как доблестно сражался он четверть века назад за обладание этого Священного для каждого христианина города. Это был поистине великий поход за Гробом Господним. Вместе с ним бок о бок сражались лучшие рыцари Европы. Он тоже был не из последних... Да, тогда он был молод, силен, отважен... Нет, отваги с годами не убавилось – исчез лишь юношеский задор, но вместо бесшабашности с годами пришел опыт. А боевой опыт для рыцаря Христа – ценное приобретение. Ведь не будь его, разве смогли бы девять братьев в течение нескольких долгих лет защищать христианских паломников от безбожников-сарацин? Но братья с годами дряхлели, и боевой опыт скоро не сможет компенсировать старческую немощь. Не зря брат Гуго де Пейн, единогласно избранный Великим Магистром, настаивает на расширении Ордена. Им нужно новое вливание силы, нужны помощники... Последняя поездка Великого Магистра во Францию была успешной – Ордену обещал свою поддержку авторитетнейший человек в вопросах веры – Бернард Клервоский, дядя брата Андре де Монбара. Знакомства Бернарда Клервоского с высшими иерархами церкви должны были посодействовать нелегкому делу братьев-рыцарей. А если их еще официально признает Церковь и Папа, в орден хлынет поток новобранцев. Тогда на Святую Землю уже никто не посмеет покушаться!

Под защитой стен мечети было не так жарко, как на улице, но все равно духота никуда не исчезла: она тяжелым прессом давила на седовласого ветерана. А еще этот вездесущий песок! Готфруа сплюнул на пол, но окончательно избавиться от хруста на зубах так и не сумел. Цветные плиты на полу мечети были безжалостным образом выкорчеваны – вот уже пару лет братия просеивала землю под «Аль-Аксой» в надежде наткнуться на остатки знаменитого Храма Соломона. Пока дело не шло дальше находок нескольких блоков фундамента Храма. Готфруа тяжело вздохнул, перекрестился и взялся за веревку, на другом конце которой была привязана большая бадья с землей. Он вытащил из раскопа бадью, отнес её во двор, где уже высилась

груда земли. Зайдя в мечеть, Готфруа услышал восторженные крики, доносящиеся из раскопа. Не мешкая, старый рыцарь спрыгнул в земляную яму. И по подземному ходу, укрепленному бревнами, пошел на свет факелов. Братья Пейн де Модидье, Гуго де Шампань и Гофред Бисоль что-то радостно орали, хлопая друг друга по плечам. Остальные братья, кроме Гуго де Пейна, вновь отбывшего с миссией в Париж, были в походе, сопровождая небольшую группу паломников, возвращающихся в родные земли. В колеблющемся свете факелов Готфруа заметил видимо только что очищенный от земли каменный блок, увенчанный знаком Соломона.

– Мы нашли его, Готфруа! – возбужденно закричал брат Гофред. – Мы нашли тайник Соломона!

– Братья! Не спешите радоваться! – призвал к порядку Готфруа. – Вдруг это очередная обманка?

– Это он, это тайник! – не согласился с товарищем брат Пейн. – Посмотри сюда! – Он ковырнул мотыгой – и с каменного блока свалился пласт земли, открывая буквы, не замеченные прежде Готфруа. Буквы сложились в надпись: «подумай, прежде, чем войти». Пока Готфруа читал надпись, братья споро принялись выковыривать ломами застывший раствор из щелей. Освобожденную плиту выкорчевали из стены теми же ломами. Она практически бесшумно упала на мягкий взрыхленный лопатами грунт, только ощутимо дрогнула под ногами земля.

– Что я говорил?! – победно воскликнул брат Гофред, просовывая в тайник чадающий факел. – Это схрон Соломона!

Маленькое помещение тайника было буквально завалено книгами и свитками. Вдоль стен стояло несколько пыльных глиняных сосудов, запечатанных сургучом. А в углу поблескивал драгоценными камнями деревянный островерхий сундук с длинными ручками для его переноски, обшитый листовым золотом.

– Пресвятая дева! – выдохнул Готфруа. – Это Ковчег Завета!

Рыцари перекрестились и, благоговая, опустились на колени...

Глава1

Нахаловка

Лето 1998 г.

Проснувшись, я почувствовал себя намного лучше. Долго задерживаться в больнице не стоит – скоро моя регенерация побежит бешеными скачками, и не дай божа, врачи еще про мои «старые раны» вспомнят! Я, не без кривой улыбки (поврежденная кожа все еще горела), осмотрел свое забинтованное тело и руки. Ну, прямо «возвращение мумии» какое-то! А это что?

На прикроватной тумбочке лежал ничем не примечательный конверт. Я взял его забинтованными пальцами и покрутил перед глазами.

«Сергею Вадимовичу Юсупову» – гласила надпись на конверте.

Я открыл незапечатанный клапан и вытащил из конверта визитку и фотографию 9*13-ть. С глянцевого бумажки на меня смотрел и улыбался мужчина азиатской наружности. Невзирая на ожоги, по моей коже побежали мурашки – этого человека я видел всего один раз в жизни... в той жизни. Но узнал бы его из миллиона, хотя все азиаты для меня на одно лицо. С фотографии на меня смотрел человек, пытавшийся купить перстень в тот день... Ашур Соломонович, вспомнил я его имя. Я перевел взгляд с фотографии на визитку. На лицевой стороне арабской вязью было выведено: «Ашур Соломонович Казначеев. Антиквар». А на обороте выписано от руки аккуратным и не менее заковыристым подчерком: «Время пришло. Жду вас в московском ресторане «Тысяча и одна ночь» в любое удобное для вас время.

– Наконец-то! – с удовлетворением выдохнул я. – Давно пора!

Скучная и серая жизнь неожиданно вновь обрела цвета. Только какие? Ничего, поживем – увидим! Еще минут пять я разглядывал фотографию улыбчивого азиата – это точно он. Никаких сомнений быть не может! Только как этот конверт попал в палату?

– Прохор! – крикнул я, что было сил. Сил к тому времени у меня было как у придушенного матерым котом цыпленка, так что получился не крик, а какой-то комариный писк. Но Прохор, терпеливо охранявший меня за дверью, каким-то чудом услышал мой шепот.

– О, проснулся уже! – заглянул в приоткрывшуюся дверь Воронин. – Как сам, Вадимыч?

– Терпимо, – отмахнулся я. – Знаешь, же, что скоро в норму приду.

– Пора валить? – риторически спросил он, зная, что несомненно должно последовать вслед за моим скоропостижным выздоровлением.

– Догадливый ты наш! – просипел я, сверкая глазами из-под повязки. – Пора! Только скажи мне для начала: откуда это здесь? – Я помахал в воздухе найденным на тумбочке конвертом.

– Чёй-то? – Воронин подошел поближе и, прищурившись, уставился на конверт. – Вадимыч, да не мельчеши ты этой бумажкой! И без того в глазах рябит – третьи сутки на ногах! – Он широко зевнул, едва не вывернув от усердия «из шарниров» нижнюю челюсть.

– Постой, я уже трое суток в отрубе?

– Ага, – мотнул головой Прохор, – после нашего последнего разговора почти двое суток дрых!

– Ясно. Так откуда конверт?

– Не знаю, – пожал плечами Воронин. – Я к тебе минут десять назад заглядывал, когда ты еще дрых – никакого конверта на тумбочке не было! И к тебе никто не заходил – зуб даю!

Я задумчиво вытянул губы трубочкой: понятно, что нихрена не понятно! Если Проха зуб дает, значит в палату точно никто не заходил. Уж в чем, в чем, а в этом я доверял своему приятелю безоговорочно. Я оглядел небольшую палату: если не через дверь – остается окно.

– А если так. – Я указал Воронину на закрытое окно палаты.

Проход подошел к окну, одернул занавески и внимательно все осмотрел: от облупленной фрамуги до пыльного подоконника.

– Похоже, что это окно не открывали лет десять, – произнес он, раскачивая присохшие шпингалеты, покрытые толстым слоем засохшей краски. С трудом освободив их из «тысячелетнего заточения», он рванул фрамугу за ручку, распахивая окно настежь. Порыв ветра забросил в палату щедрую порцию свежего воздуха – у меня даже голова закружилась от переизбытка кислорода – воздух в палате стоял довольно спертый.

– Я вот чего понять не могу, – почесывая в затылке, произнес Проход, – как эти сушеные мухи между фрамуг застревают? Вон их сколько насыпано, хоть в аптеку сдавай...

– Точно так же, как мой конверт в закрытой палате появился, – сварливо проскрипел я. – Ладно, валить пора, пока никто мое очередное чудесное излечение не увидел!

– Так я уже и приготовил все, – радостно доложил Проход. – Одежда в машине, машина под окном, даже окно вот – как раз открыто. Сигай, и лишний раз никому глаза мозолить не будешь!

– С окном это хорошо придумал, – согласился я, так и поступим. Только как-то боязно Катю с Костиком здесь оставлять, – поделился я сомнениями с другом. – Есть у меня подозрения, что не так просто её дом загорелся...

– А тож! – фыркнул Воронин. – В этой дыре ничего просто так не происходит, пффф... – Проха надул губы, многозначительно замолчав.

– Слышь, деятель культуры, хватит театральные паузы тут устраивать! – не сдержавшись, выругался я. – Поджог что ли?

Проход мелко-мелко закивал головой в подтверждение моей догадки.

– Реально? – Я просто не хотел в это верить. – Неужели этот отмороженный на всю голову мажорик? – двинул я предположение. – Сын местного князька – Каткин ухажер?

– В точку, босс! – расплылся в улыбке Проход. – Пока ты тут валялся, мы с пацанами свое расследование провели...

– Федор Кузьмич тоже здесь? – поморщился я, представляя реакцию бывшего генерала на мое очередное «геройство».

– Не-а, – помотал головой Проход, тоже непроизвольно морщась, – дядька ща за бугром, в Эмиратах, трет с шейхами за наши дела. Вернуться, сам понимаешь, могут не так понять...

– Фух, слава Богу! – облегченно выдохнул я. – Второй взбучки от Кузьмича я бы не пережил!

– Да, – согласился со мной Воронин, – дядька мастак мозги компостировать! Этого у него не отнять!

– Как вычислили утырка? – вновь вернулся я к тому, с чего начал.

– А его и вычислять особо не пришлось – для начала прессанули его корешей – Худолеева и Калугина. Спасибо Колобку, Пахе и их коллегам, хорошие перцы, хоть и мусорё! Те раскололись на раз – слили отморозка, видать, почуяли, чем может для них эта «дружба» обернуться. Ну а потом, сняв показания, взяли за жабры и младшего Храпова.

– Хочешь сказать, он так вот взял и сознался?

– Хех, когда это ты, Вадимыч, в сказки верить начал? – риторически спросил Проха. – Хоть ты и сам, как из сказки – пришлось применить, как дядька говорит, четвертую степень дознания...

– Четвертую? – я удивленно моргнул. – У тех же пиндосов их вроде всего три.

– Так-то у пиндосов, – усмехнулся Воронин, – куды им до наших «коновалов»!

– Живой хоть? – ради проформы поинтересовался я.

– Дышит, вроде... – слегка сомневаясь, произнес Воронин, – и ладно. Серег, ну я совсем, чё ли, ломом подпоясанный?

– А то нет? – подковырнул я друга.

– Ну, вообще-то есть немного, – не стал «спорить» Воронин. – Ну а кто из нас не без греха? Но я же не совсем невменько, чтобы такого ценного терпилу жмурить? Он еще должен чистосердечно раскаться на заседании суда, прощения у всего честного народа попросить...

– Хорошо, малолетнего отморозка ты «опустил», фыркнул я. – А папахен чего, даже газовать не стал?

– Пока он бестолкового сынулю по притонам Нахаловским искал, пока пороги в местном КПЗ обивал, чтобы на свиданку пустили, пока слезу пускал над получившейся котлетой, пока права пытался качать...

– Слышь, оратор, не лекцию читаешь! Ближе к телу, Склифосовский!

– В общем, пока все эти пока-пока – Патлас со своими юриками прикатил под ручку с пацанчиками из следственного комитета и генеральной прокуратуры. Храпов к губернатору на поклон – спаси, мол, дружка-приятеля, как-никак, вместе мутки мутные мутим, а тому уже все ненавязчиво объяснили, ху из ху! Тут и сдулся наш крутой перец, сидит ща с сынулей в обезьяннике и показания признательные царапает. А дальше: по тундре, по железной дороге, – довольно пропел Прохор, – где мчится курьерский «Воркута – Ленинград». Так что место мэра теперь свободно, – закончил он.

– Слушай, Прохор, – а хочешь, тебя мэром сделаем? – неожиданно предложил я. – Ты, конечно, тот еще отморозок, но по сравнению с этими упырями Храповыми – белый и пушистый – зазя простой народ гнобить не будешь.

– Вадимыч, ты че, не вздумай! – не на шутку перепугался Воронин, считая меня в последнее время слегка поехавшим крышей и способным, по его личному мнению, на любую гадость. – Не вздумай, я тебе говорю! Взвою, а затем сдохну я в этом захолустье от тоски!

– Ладно, не суетись под тесаком, дружище! – добродушно рассмеялся я. – Шучу! Но вот с властью в этой дыре что-то надо делать... – задумался я.

– Серж, с тобой все нормуль? – обеспокоенно взглянул Прохор в мои глаза, поблескивающие сквозь оставленную в повязке щель. – Раньше ты никогда о посторонних терпилах не пекся...

– А о своих, значит, пекся?

– Э-э-э, – возмущенно протянул Воронин, – ты где тут терпилу увидел?

– Да вот маячит передо мной уже минут пять.

– Я крутой, круче только вареные яйца, Брюс Ли, дядька Федор... ну-у-у и ты, само собой, – сделав небольшую паузу, добавил, смеясь, Прохор.

В дверь палаты неожиданно тихонько постучали. Прохор отработанным движением выдернул из подмышечной кобуры пистолет и, плавно сместившись к дверям, прижался лопатками к побеленной стене, уйдя с возможной траектории выстрела.

– Братуха, ты совсем уже в маразм впал? Убери волюну с глаз долой!

– Вадимыч... – Начал было возражать Воронин, но я оставался непреклонным.

– Убери, я сказал!

Прохор с явной неохотой вернул пистолет в кобуру. В дверь деликатно постучали еще раз.

– Открывай уже, телохранитель долбанный! – прикрикнул я на Прохора.

Воронин взялся за ручку и резко распахнул дверь, едва не пришибив стоявшую под дверью Катю.

– Ой! – воскликнула она от неожиданности, отшатываясь к стене и задвигая за спину стоявшего рядом Костика. – Я не вовремя? Я просто узнать... как Сережа?

Услышав доносящийся из коридора Катин голос, я крикнул... ну, как крикнул? – про-сипел:

– Катя?

– Сережа?.. – Услышав мой голос Катя грудью оттеснила с дороги Воронина, ворвалась в палату и кинулась мне на грудь. Хорошо, что Прохор успел поймать её за руку «на взлете», а то бы не поздоровилось моей, напрочь обгоревшей и её не до конца восстановившейся шкурке.

– Тихо, Катерина, тихо! К нему еще нельзя прикасаться! – мягко, но настойчиво, Воронин оттащил мою спасенную из огня любовь от больничной койки, на которой я и валялся.

Ой! – вновь воскликнула Катюха, зажимая рукой рот. – Какая же я дура! Сергей Вадимович, вы же обгорели чуть не полностью...

– Кто? Сергей Вадимович? – строго произнес я, радуясь, что под бинтами не видно моей ехидной улыбки. – Не знаю такого!

– Сережа... я... Костик вот... мы... – запинаясь, сбивчивой скороговоркой произнесла Катя, теребя рукой растрепанные волосы сына, тоже проскользнувшего в палату. Костик стоял сейчас перед матерью и внимательным, по-взрослому тяжелым взглядом, пробежался по моим повязкам.

– Че, пацан, похож я сейчас на мумию? – Я подмигнул мальчишке, и желая его развеселить.

Но Костик почему-то не развеселился, а только еще больше съежился и насупился:

– А правда, что вы из-за нас теперь инвалидом на всю жизнь останетесь?

– Ага, превращусь навечно в страшного и уродливого зомбака, – замогильным голосом произнес я. – Помнишь, как в «Зловещих мертвецах» ... – Я осекся, заметив, как задрожали губы Костика – пацана-то, оказывается, «колбасит не по-децки». Вот я идиот!!! Ведь они за меня действительно переживают, не зная о моих чудесных способностях! А я... я просто отвык думать о чувствах и переживаниях на мой счет от посторонних людей... Хотя какие они мне посторонние? Они теперь мои... – Ты чего это, пацан, слезу пустить надумал? И с чего ты вообще взял, что я инвалидом на всю жизнь останусь? Мамка сказала?

– Ни, – замотал головой Костик, – ни мамка. Я разговор двух врачей подслушал... там... – нехотя признался Костик.

– Костя! – укоризненно произнесла Катя. – Я же тебе сколько раз говорила: уши не развешивай!

– Вот-вот, мамка дело говорит, – подключился и я «к распеканию» расстроенного мальчика. – Подслушивать нехорошо! Одним словом, забыли – со мною все будет хорошо!

– Правда, дядь Сереж? – слегка повеселел мальчишка.

– Я тебя что, обманывал хоть раз?

– Нет, – замотал головой пацан, – не разу!

– Тогда чего ты? Значит так, Катя, Костик я вам сейчас кое-что скажу, только предупреждаю – не вздумайте со мной спорить! Ясно? – Не понимая куда я клоню, Катя с Костином послушно кивнули. – Сейчас вы выходите из больницы с Прохором и сядете в машину...

– А куда мы поедем, дядя Сережа? – заинтересованно спросил меня Костик.

– Позже узнаете, – ответил я, не вдаваясь в подробности. – Но тебе понравится, обещаю! – добавил я, отметив про себя, как радостно заблестели его глазенки. А сейчас быстро выполнять, солдат! – тоном записного служаки произнес я.

– Есть, товарищ командир! – отрапортовал мальчишка, прикоснувшись ко лбу раскрытой ладошкой.

– К пустой голове руку не прикладывают, солдат, – ворчливо заметил Воронин.

– Прохор, помолчи, а? – негромко произнес я, боясь, чтобы пацан вновь не погрузился в уныние. – И вообще – идите уже!

Катя с Костиком послушно вышли из палаты, а я ухватил забинтованной рукой полу белого халата, в котором «щеголял» по больнице Воронин:

– Подстрахуешь меня у окна, а то сил чего-то совсем не осталось.

– Понял, шеф, – кивнул Прохор, выходя из палаты и закрывая за собой дверь.

Пока я ковыля до распахнутой фрамуги, Воронин успел просадить в «Гелик» Катю с Костиком и подбежать к окну палаты со стороны улицы.

– Ты как, Серж? Через подоконник сам перевалиться сумеешь?

– Лови, – прохрипел я – не до конца восстановившаяся кожа горела огнем. Я навалился пузом на пыльный подоконник и зашипел от боли – на живот словно кипятком плеснули. – Твою ж... – ругнулся я, раскорячиваясь на подоконнике, словно распластанная поваром рыба.

Шипя и ругаясь в полголоса, чтобы, не дай Бог не, спалиться, мне кое-как удалось вытащить ноги на улицу. Хорошо еще, что окна моей палаты выходили на задний двор, заросший кустами и деревьями. Был шанс, что все обойдется, и меня не хватятся еще некоторое время. Воронин ухватил меня ручищами поперек туловища и, поднапрягшись, сдернул с ненавистного подоконника.

– Полегче, не дрова кантуешь! – попенял я коллеге и приятелю, который, не обращая внимания на проклятия, перекинул меня через плечо, словно куль с картохой, и потащил к машине. Открыв переднюю пассажирскую дверь, он, без особых церемоний, скинул меня с плеча.

– Че ж ты отожрался-то так! – произнес он на выдохе, словно штангист, только-только сбросивший неподъемный для него вес.

– Сергей Вадимович?! Как... Вы зачем из больницы сбежали? Вам же вставать нельзя! – увидев мою тушку на переднем сиденье, тут же заголосила Катя.

– Тихо, ты, заполошная! – шикнул на нее Прохор, обернувшись назад. – Сейчас всю деревню соберешь!

– Но нельзя же ему! – со слезами на глазах произнесла Катя. – Вернитесь, Сергей Вадимович, заклиная!

– Катюша, – как можно ласковее произнес я. – Все со мной будет хо-ро-шо! А тебе обещаю! Просто, доверься мне... – я посмотрел в её широко распахнутые карие глаза. – Договорились?

Катя закрыла лицо ладонями и зарыдала.

– Мам, ну чего ты? – толкнул Катю сын, сидевший рядом с ней. – Дядь Сережа пообещал же? А если настоящий мужик пообещал, то должен в лепешку расшибиться, но свое обещание выполнить!

«Молодец, пацан! – мысленно похвалил я мальчишку. – Моя школа!»

– А Костян-то дело говорит! – подключился к уговорам и Прохор. – Дядь Сережа – еще тот фрукт! Его так просто зажмурить не удастся!

– А, так вы и взаправду в жмурки играете! – «догадался» Костик.

– Конечно в жмурки, – не стал разубеждать пацаненка Воронин, заводя автомобиль. – Ты ж видел, как дядя Сережа из больничного окна сиганул! Это он от главного врача прятался!

Автомобиль неспешно проехал через открытые ворота больничного двора. Прохор нажал на клаксон, «прощаясь» с вахтером дедом Филиппычем, сидевшем на своем привычном месте – у веревки, опускающей полосатый шлагбаум. Филиппыч приложил руку к старенькой фуражке с треснувшим козырьком: «бывайте, мол, хлопцы».

Выскочив на дорогу, Прохор прибавил газку, и тяжелый внедорожник плавно пошел на разгон, легко проглатывая многочисленные выбоины, давно требующей ремонта дороги.

– А куда мы едем, дядь Прохор? – полюбопытствовал мальчишка. Кто-то, а он был счастлив пронестись с ветерком по родному поселку на крутой тачке.

– В аэропорт! – ответил Прохор, не отвлекаясь от дороги. – Ты когда-нибудь на самолете летал, пацан?

– А мы на самолете полетим? – ахнул Костик.

– Так у нас же нет аэропорта? – спросила Катя, неожиданно престав рыдать. – Ближайший в городе – а это пять часов! – обеспокоенно произнесла она, поглядев на мою безвольную тушку, расплывшуюся на сиденье.

Что и говорить, оставшихся сил мне хватало только молча сидеть и «не отвешивать». Здорово же в этот раз меня приложило – до сих пор восстановиться не могу!

– Сережа не выдержит такой дальней поездки! Разворачивай! – безапелляционным тоном заявила она, намереваясь перебраться и схватиться за руль. – Стой, кому сказала!

– Тихо, Катюша, не газуй! – догадавшись о её намерениях, Прохор остановился на обочине дороги. – Не поедem мы в город...

– Как? – непонимающе захлопала ресницами девушка.

– А как же на самолете полетать? – присоединился к ней Костик.

– На самолете летаем, и в город не поедem! – сообщил Прохор. – Тут у вас рядом – полчаса ходу, военный аэродром...

– Ух, ты, так мы на военном самолете полетим? – обрадовался Костик.

– Боюсь тебя расстроить, пацан, на военном самолете мы не полетим, – произнес Воронин. – Мы полетим на самом лучшем самолете в мире, такой только у дяди Сережи и у американского президента!

– Ух, ты! – заголосил мальчишка. – Дядь Сережа, а вас есть свой самолет?

– Че я, хуже Киркорова, что ли? – просипел я и затих, – на большее просто не хватило сил.

– Так что, Катерина, успокойтесь и не голосите! – произнес Воронин, вновь вырубивая с обочины на дорогу. – В Москве Сергея Вадимовича уже ожидают лучшие врачи и лучшие клиники! Скоро будет как новенький! А вы, пока он будет по клиникам валяться, похозяйничаете в его хорах – вам все-равно пока жить негде. Дом-то ваш дотла сторел...

Глава 2

Полет прошел в стандартном режиме, я даже выспаться, как следует, не успел, однако сил у меня существенно прибавилось. В Москве нас уже ждали два презентабельных автомобиля с водителями. Отправив гостей с Прохором одной машиной, я на другой отправился в ресторан «Тысяча и одна ночь», предварительно решив заехать в один из спа-салонов, принадлежавших нашей корпорации – нужно было срочно «навести марафет», ибо в виде египетской мумии я буду слишком привлекать к себе внимание. После того, как надо мной потрудились профессиональные и самые-самые в Москве визажисты-массажисты-парикмахеры-брадобреи и, облачившись в новый, «с иголки», костюмчик «от кутюр», я почувствовал себя заново родившимся и готовым к любым свершениям. Именно в таком настроении я и появился на предложенную таинственным азиатом встречу.

В холле ресторана меня уже ждали. Едва я остановился у гардероба, ко мне подплыла девушка восточной внешности в пышных шелковых шароварах, расшитых золочеными звездами и коротенькой прозрачной кофточке, не закрывающей соблазнительный животик. Девушка узнала меня с первого взгляда.

– Сергей Вадимович, здравствуйте! – произнесла она. – Вас уже ждут. Прошу вас, следуйте за мной. – Она довела меня до дверей одной из комнат, предназначенных для обслуживания Vip-клиентов. – Входите! – Она приглашающе распахнула дверь, дождалась, пока я пройду внутрь и закрыла её за моей спиной.

Комнатка была декорирована в восточном стиле: низенький столик, заставленный фруктами, превеликое множество разноцветных подушек, большой кальян. На подушках в расслабленной позе лежал человек с фотографии – Ашур Соломонович и курил кальян. С того памятного момента он ни капельки не изменился. Даже одет был точно также: тертые джинсы и растянутый вязаный свитер. Только на ногах вместо обычной обуви были надеты мягкие восточные тапочки с острыми загнутыми носами.

– Проходите, Сергей Вадимович, не стесняйтесь! – произнес азиат. – Нам есть, что обсудить. Не так ли?

– Кто вы? – спросил я, устраиваясь на подушках напротив улыбающегося типа. Теперь нас разделял только столик с фруктами.

– Вы курите? – Ашур Соломонович, проигнорировав мой вопрос, протянул еще одну кальянную трубку.

– Курю, – ответил я, потянув носом воздух. – Что это? Гашиш?

– Не совсем, – ответил азиат. – Это особая смесь трав, в составе которой присутствует небольшое количество гашиша. Этому рецепту тысячи лет. Позволяет достичь предельной ясности сознания. Великие мудрецы прошлого любили вдыхать ароматы этого зелья...

– Вы не ответили на мой вопрос, – взяв в руки причудливый резной мундштук, напомнил я. – Кто вы? Ведь в этом мире я не предлагал вам перстень на продажу!

– Действительно, – согласился Ашур Соломонович. – В этой реальности такого случая не было. А что касается первого вопроса... Если имелось ввиду, человек ли я, то я вас не разочарую... Я принадлежу к другому разумному виду... Хотя, за столь долгий срок пребывания в человеческом теле, я вполне освоился с вашей природой...

– Кто же вы? – Я поперхнулся сладковатым дымом и закашлялся.

– Я – Асур, – бесстрастно ответил азиат. – Существо иного плана реальности...

– Так что же вы делаете в нашем мире? – вытерев рукавом выступившие после кашля слезы, спросил я.

– А почему вы решили, что этот мир принадлежит вам? Он такой же ваш, как и мой. Просто наши популяции существуют в параллельных потоках реальности и, даже иногда, правда, очень редко, пересекаются. Как мы с вами. – Он с наслаждением затянулся.

– Зачем вы здесь? Ради этого? – я показал ему перстень.

– Да, ради этого, – согласно кивнул пришелец. – Я хранитель этой невзрачной безделушки, попавшей к вам по какому-то недоразумению. Однако прибрали вы её «честь по чести», а следовательно – владеете ей по праву.

– Скажите, а зачем вам, существу иного, как вы говорите, уровня реальности, хранить это колечко? Чего вам дома-то не сиделось? И что значит, владею по праву?

– Хранителем я стал не по своей воле, – печально покачал бритой головой Ашур Соломонович.

– Кто же, интересно, смог вас заставить заниматься, я так понимаю, совсем нелюбимым делом?

– Это давняя история...

– И все же? – настаивал я. – Раз уж нас вместе свела судьба...

– Имя царя Шмуэля по прозвищу Шломо вам о чем-нибудь говорит? – спросил он как бы «между прочим».

– Не припоминаю такого, – честно признался я.

– Арабы называют его Сулейманом ибн Даудом...

– А, Соломон, – догадался я. – Скажем так, приходилось слышать. Я, все-таки, образованный человек. Он, говорят, имел большую силу над джиннами.

– Асуров частенько путают с джиннами, – покачал головой Ашур Соломонович. – Соломон умел подчинять себе и тех, и этих...

– Ага, так это он вас... И ваше имя – Ашур Соломонович – Асур ибн Сулейман?

– К моему глубочайшему сожалению, – развел руками азиат. – А мое имя... В какой-то мере Соломон стал отцом моего человеческого перерождения. По его повелению я должен был охранять это колечко от чужих посягательств... И справлялся с этим на протяжении многих столетий.

– То есть вы – бессмертный страж этого артефакта?

– Вы абсолютно правы.

– Да, – задумчиво произнес я, – волшебное колечко, исполняющее любые прихоти владельца, обязательно нужно хранить от чужих посягательств...

– Боюсь вас разочаровать, мой юный друг, но перстень не исполняет желаний владельца, у него всего лишь одно единственное предназначение...

– Постойте, постойте! – перебил я его. – Как это не исполняет? А это, по-вашему, что? – Я выдернул из воздуха золотой слиток. – Я могу наизусть прочесть вам любую книгу, которую когда-либо брал в руки! И меня невозможно убить... Я знаю, я прошел через смерть! Если, по-вашему, это не перстень... Тогда что так изменило меня?

– Ах, вот вы о чем? – наконец понял асур. – Это все – вы сами...

– Как это? – до меня не дошло, что имел ввиду этот необычный азиат.

– Вы не дослушали меня. Перстень повинен в ваших изменениях лишь косвенно. Как я говорил, у него всего лишь одна функция – создавать новые реальности, либо, как любят выражаться современные фантасты, – он лукаво мне подмигнул: «мол, тоже почитываю», – создавать развилки от существующих реальностей, но... – он сделал многозначительную паузу. – С параметрами среды, максимально подогнанными под хозяина кольца! Владеете вы артефактом, как я уже говорил по праву. Поэтому, хотели вы всемогущества и бессмертия, пусть даже на подсознательном уровне – пожалуйста, получите и распишитесь! Вы – хозяин этой реальности, можно даже сказать – её невольный Создатель... Только пользуетесь копией изначального мира, созданного Всеединным.

- Так значит, этот перстень создает альтернативные развилки?
- Соломон называл его «Путеводной Звездой». Именно перстню он обязан своим высоким положением. Он тоже менял этот мир под себя.
- Постойте, постойте! А насколько велики могут быть эти самые изменения реальности?
- Я не знаю всех возможностей перстня, я не хозяин, я лишь хранитель. Но думаю, что возжелай вы изменить даже физические законы – они обязательно изменятся в новой реальности. Но к каким последствиям это может привести... – Асур неопределенно развел пучками.
- Да, – вспомнил я, – что значит владеть по праву?
- Перстень обладает одним чудесным свойством: если он был приобретен нечестным путем – он принесет хозяину лишь страдания и несчастья. Рассмотрим для примера ваш случай: перстень у меня был украден. Первый хозяин – молодой парнишка-вор был забит бандитами. Перстень он потерял, но даже столь недолгое владение не прошло для него бесследно. Далее – перстень находит...
- Дворник Федор, – подсказал я.
- Который, по всей видимости, продает его вам. Вы заплатили этому Федору требуемую сумму?
- Даже немного больше, – признался я. – Перстень обошелся мне в сущие копейки. Знал бы Федор, от чего отказывается...
- Не важно – копейки или миллионы! Вещь стоит именно столько, сколько за нее просят. Главное – честность сделки! Федор тоже мог владеть им по праву. Он никого не грабил, не вымогал... Но он предпочел получить те копейки, и остался доволен. Вы стали владеть артефактом по праву. Со временем, перстню необходимо какое-то время, чтобы настроиться на нового владельца, вы стали им пользоваться. Неосознанно.
- А как царь Соломон получил этот перстень?
- Соломон упоминал об этом, но вскользь... Предыдущий хозяин артефакта оставил какую-то загадку... Зашифрованную инструкцию по поиску... Соломон её разгадал и стал счастливым обладателем кольца.
- Счастливым? – с горечью в голосе произнес я.
- Да, счастливым, – произнес асур. – Разве у вас все по-другому? Вы же достигли того, к чему стремились: слава, богатство, неуязвимость, почти божественные возможности. Многие люди с радостью бы продали душу дьяволу, за всего лишь одну из этих составляющих...
- Вы знаете, Ашур Соломонович, но в последнее время я чувствую себя не то чтобы несчастным... Все, что меня окружает... Все, что я сделал... Оно... Оно не настоящее... Чужое! Понимаете, – сбивчиво рассказывал я, – раньше все рассуждения о счастье, о совести, о чести я считал розовыми соплями никчемных людишек, «терпил» – как их называет один из моих друзей, так ничего и не добившихся в жизни. Деньги, слава... Единственное, что меня не интересовало – это власть. Я обустроивал, как мог, свой собственный мирок, где мне было бы сытно, приятно, тепло... Но почему-то сейчас, достигнув всего этого, я не испытываю особой радости... А скука и бессмысленность, повсюду сопровождающее мое нынешнее существование – это вообще отдельный разговор.
- Хм... – потер подбородок Казначей. – А вы действительно по-своему несчастны, молодой человек, – понимающе произнес он. – Что есть счастье? Многие философы этого мира так и не смогли дать исчерпывающий ответ. – Можете мне поверить, я имел возможность беседовать со многими из них. Неужели за все время, проведенное в этой реальности, вы не сделали ничего такого, что принесло бы вам удовлетворение? Неужели обладая такими возможностями, вы жили только для себя, ничего не давая другим? Хотя бы родственникам, друзьям, знакомым? Неужели ничего? – вопросительно посмотрел он на меня.
- Нет, ну кое-что я, конечно, сделал. Я регулярно навещаю родителей, не то, а в той, прежней жизни, где я не навещал их десятилетиями. Да я практически забыл об их существо-

вании! Сейчас же они ни в чем не нуждаются. Мой дед до сих пор жив, за его здоровьем следят лучшие врачи... А в прежней реальности его уже нет... Алеха Патлас, мой лучший друг детства, тоже живой – а ведь он давно погиб от передозировки наркотиков... Васька жив, сумев улизнуть от сердечного приступа...

– Ну вот, видите, все-таки что-то хорошее вы сделали не только для себя! – оптимистически заявил Ашур Соломонович.

– Это только кажется, – вздохнул я, затягиваясь зельем Соломона. От ароматного дыма, заполняющего мои легкие, мысли приобретали удивительную ясность.

– Это почему? – не понял асур. – Поясните.

– Да на самом деле все просто: Алеха еще в школе проявлял чудеса изворотливости – выходил сухим из воды в таких безвыходных ситуациях... Грех было этим не воспользоваться. Сейчас он возглавляет юридический отдел моей корпорации. Юрист от Бога! Васька – рожденный коммерсант: у него чуйка купи-продай, спрос-предложение...

– Также работает на вас? – уточнил Асур.

– Коммерс от Бога! – охарактеризовал я друга по той же шкале, как до этого Патласа.

– Но для чего вы используете их? Ведь при ваших поистине безграничных возможностях...

– Банальная подстраховка, – пояснил я. – Я не знал, до какой поры смогу творить эти... чудеса. А если бы они закончились в один прекрасный момент? А про запас у меня уже имеется прекрасно отлаженный механизм для заколачивания бабла! Не пропал бы! Я как тот бурундук, что готовит кучу нычек на черный день, минимум половина из которых, попросту пропадает!

– Хм, довольно прагматический подход, – согласился Ашур Соломонович.

– Прикрывай свою задницу – и живи припеваючи! Вот мой девиз. Но так было до недавнего времени... А сейчас... Сейчас меня пугает иллюзорность моего мира... Он ненастоящий... Картонный! Я готов все бросить и уйти в монастырь, в лес, в пещеры, в пустыню. Я не знаю, что со мной происходит, Ашур Соломонович! Если знаете, что мне следует сделать – помогите советом! – умоляюще произнес я.

– Просто маленький мальчик наконец-то повзрослел, – глядя на меня мудрыми и печальными глазами, произнес асур. – Он пока еще не понял, что вырос из коротких штанишек...

– Повзрослел? – я удивленно хмыкнул. – Да я суммарно прожил уже почти шестьдесят лет! Наверное, я просто старею... Не телом, нет! Вот тут! – я постучал себя пальцем по черепушке.

– Большинство людей до самой смерти остаются детьми. – Покачал головой Ашур Соломонович, не соглашаясь с оппонентом. – Лишь единицы достигают зрелости. Этих людей помнят в веках, ибо они не такие, как все... Они меняют мир, не обладая «Путеводной Звездой». Пророки... Будда. Мухамад. Иисус.

Я снял с пальца перстень и протянул его Ашуру Соломоновичу:

– Возьмите. Я уже наигрался... До тошноты.

– Не могу! – произнес мой собеседник.

– Почему? – искренне удивился я. – Хотите, я продам вам его? За бесценок? Вы же предлагали мне... Тогда...

– Тогда кольцо еще не настроилось на вас. Вы можете продать его кому-нибудь, но только не хранителю.

– Тогда я подарю его кому-нибудь из своих. А вы купите, пока оно еще не настроилось...

– Это неправильно. Последствия...

– Я понял, понял. Тогда как вы получили его от Соломона?

– Вы поймете это... Возможно... Со временем.

– Я так и знал! Ненавижу, когда напускают туману! Скажите, а если уничтожить кольцо, вы обретете свободу? – неожиданно спросил я.

– Его нельзя уничтожить, – грустно произнес асур. – Оно выковано в горниле первозданного пламени, на остатках Огня Творения. Это по силам лишь самому Творцу! И я вынужден хранить «Путеводную Звезду» до самого Конца Времен.

– Ну, а чисто теоретически? – не отставал я.

– Теоретически, если уничтожить перстень – я обрету долгожданную свободу! – произнес Ашур Соломонович. – Но повторяю – это невозможно!

– Я понял... Что ж, до следующей встречи, Хранитель. – Я поднялся с мягких подушек. – У меня сегодня много дел...

– До встречи! – вслед за мной поднялся на ноги и поклонился мне асур.

Я ответил ему тем же.

– Я всегда буду рядом, пока вы владеете «Путеводной Звездой», – напомнил он мне.

– А почему именно сейчас вы решили встретиться со мной? Почему не сразу? – задал я на прощание давно крутящийся на языке вопрос.

– А вы до сих пор не поняли? – удивленно приподнял брови Ашур Соломонович. – Вы сделали нечто... Не для себя... И абсолютно бескорыстно! Вы рисковали жизнью...

– Какой риск – я же бессмертен, – не желая больше себе врать, ответил я.

– Позвольте с вами не согласиться! На тот момент вы точно не знали, выживете в огне или нет? Ну, уж, точно сомневались!

– Не знал, – согласился я.

– Но все равно бросились спасать чужих вам людей?

– Они мне не чужие! – насупившись, произнес я.

– Думается, что я ответил на ваш вопрос. С днем рождения, Сергей Вадимович! – и древний, как само извечное небо, Асур мне подмигнул. – Наслаждайтесь жизнью, и будьте счастливы!

– Поймите, еще один, последний вопрос: тот мир моего будущего, который «без людей»... Почему я все время попадаю в него, пытаюсь вернуться...

– Вы уже не принадлежите тому миру, но связующие вас нити все еще очень сильны. Как только этот, – Ашур Соломонович развел руками, как будто собирался объять необъятное, – окружающий мир станет для вас по настоящему родным – мир «без людей» прекратит свое существование!

Глава 3

По территории гаражного кооператива «Кентавр» брел невзрачный человечек. Неможно шаркая ногами в стоптанных грязных ботинках, он зябко ежился, втягивая шею в плечи. На его плечах болталась не по размеру большая видавшая виды кожаная куртка-пилот с вытертым до блестящих проплешин овчинным воротником. Человечка слегка покачивало: из кармана засаленной куртки торчало горлышко винной бутылки, заткнутое обрывком газеты.

Забулдыга потер заросший сизой неопрятной щетиной подбородок и шмыгнул покрасневшим от избытка винных паров носом. Возле гаража под номером триста двадцать пять пьянчужка остановился. Зыркнул по сторонам маленькими колючими глазками из-под низко натянутой вязаной шапочки – никого. Трясущимися с похмелья руками, забулдыга вытащил из кармана фигурный ключ-бабочку. Щелкнув замком, человечек прошмыгнул внутрь гаража, а затем вновь запер изнутри проржавевшую дверь.

Нащупав в темноте выключатель, пьянчужка зажег в гараже свет. Тусклая лампочка осветила разбитую «Газель», занимавшую практически все свободное пространство гаража. Человечек бочком протиснулся между шершавой влажной стеной гаража и машиной, а затем спрыгнул в смотровую яму. Откинув незаметный, залитый отработанным маслом лючок в глубине ямы, человечек включил фонарик. Яркий свет фонаря осветил старые выщербленные ступени, уходившие в темноту подzemелья. Подсвечивая фонариком, забулдыга спустился на несколько ступенек, а после захлопнул за собой лючок.

Ступени вывели пьянчужку в низкий сводчатый коридор, сложенный из грубо обработанного дикого камня. Этот коридор явно насчитывал не одну сотню лет. Древность подземных коммуникаций не удивляла человека, он чувствовал себя здесь, словно рыба в воде. Его не смущали ни гроздь паутин, в изобилии свешивающиеся с потолка, ни сочившаяся местами вода, ни ветхость старой кладки. С каждым пройденным шагом походка забулдыги чудесным образом менялась – он больше не шаркал великоватыми ботинками по каменным плитам, подволакивая ноги. Теперь он шагал бодро и упруго. Его сутулая спина выпрямилась, а маленькие колючие глазки перестали бегать из стороны в сторону.

Безошибочно выбирая нужное направление – коридор несколько раз разветвлялся – человечек добрался до тупика. Нажав в определенной последовательности на несколько кирпичей, ничем не выделяющихся из остальной кладки, человечек проворно отскочил в сторону. Где-то в глубине подzemелья заскрипел старый механизм, часть стены повернулась вокруг своей оси, открывая потайной ход. Не колеблясь, бывший забулдыга нырнул в темноту. Кусок старой кладки медленно встал на свое место.

За стеной оказался точно такой же коридор. Добравшись до очередного тупика, человечек повторил процедуру. Вновь скрип механизма. Новая дверь, на этот раз выводящая к глубокому колодцу. Спустившись по винтовой лестнице, бегущей вниз вдоль стен колодца, человек уткнулся в низенькое деревянное полотно, проклепанное коваными металлическими полосами. Маленький коридор за дверкой оказался освещенным яркими лампами дневного света, и обрывался у вполне современной двери, снабженной сканером отпечатков пальцев. По обеим сторонам коридора торчали кронштейны с видеокамерами. Человечек приложил к сканеру ладонь и, мгновенно сработавшие сервоприводы отодвинули в сторону тяжелую бронированную дверь.

Человек решительно вошел в большое подвальное помещение, представляющее собой чудовищную смесь средневековой алхимической лаборатории и научно-исследовательского института, оборудованного по последнему слову техники. Подвал был разделен на две зоны: старую – алхимическую: с допотопными колбами, ретортами, перегонными кубами, прожжен-

ными кислотой деревянными столами; и новую – сверкающую хромированным металлом и перемаргивающуюся разноцветными лампочками электрооборудования.

В современной части подвала за компьютером сидел мужчина лет пятидесяти с жестким волевым лицом и сосредоточенно щелкал клавишами клавиатуры. Заметив гостя, он отвлекся от работы и сосредоточенно взглянул в глаза липового пьянчужки. Человечек почтительно поклонился и велеречиво произнес:

– Великий Магистр, свершилось! Юсупов встречался с Казначеем! Как вы и предупреждали, Казначей – не человек!

Из ресторана я вышел в полном раздразе чувств. Надо же, оказывается весь этот мир, огромный, великий и бесконечный настроен только под мои нужды, благодаря этой невзрачной фитильке на моем пальце. Я поднес руку с кольцом к глазам и ещё раз посмотрел на «Путеводную звезду», некогда принадлежащую царю Соломону. Благодаря ей, он смог когда-то кардинально изменить свою жизнь, но, в отличие от меня, он повернул её в «нужную сторону». И сделал это таким образом, что даже по прошествии тысячелетий, о нем помнили, как о мудрейшем правителе! А я? Что сделал я: мелкий, мерзкий, недалекий, алчный, тупой ублюдок?.. Стоп! Это, не выход! Отставить посыпать голову пеплом и прятать её в песок! Нужно просто взять себя в руки и сделать «как надо»! По чести, по совести... Только с чего начать? А то, что начинать надо – больше не обсуждалось! Даже с самим собой!

На стоянке перед рестораном меня терпеливо дожидался личный водитель – Дима, которого я не видел с самого моего отрыва «во все тяжкие». С аэропорта в ресторан меня вез другой. Дима отдыхал в мое отсутствие в каком-то санатории, но едва узнав, что я вернулся в Москву, он прервал отдых и срочно примчался назад. Он знал, что я оценю такое рвение по заслугам.

Не дожидаясь, пока я подойду к машине, Дима выскочил с водительского сиденья на улицу и открыл заднюю пассажирскую дверь.

– Сергей Вадимович, – произнес он. – С возвращением!

– И тебе того же, Дмитрий! – не скрывая радости от встречи с ним, произнес я и протянул ему руку. – Рад тебя видеть!

Мы пожали друг другу руки, и я залез в салон. Дима, захлопнув за мной дверь, уселся на свое место. Он завел машину и, обернувшись, поинтересовался:

– Домой?

– Пока нет, рванем до конторы Васька, – распорядился я. – Дел накопилось за гланды!

– К Василию Ивановичу? На Охотный? – уточнил Дима.

– Да, – произнес я, устраиваясь поудобнее на заднем сиденье. Пока будем продираться по пробкам, и вздремнуть немного успею.

Я оказался прав: проспал даже больше, чем рассчитывал – пробки в это время в Москве просто жуткие, а я от них и отвыкнуть успел. Ваську я нашел полулежащим в шикарном кожаном кресле с заброшенными на стол ногами. В его макушку направленным потоком фигачил ледяной воздух кондиционера – жара этим летом стояла просто невыносимая.

– О! Серега! Как живой! – обрадовался моему приходу Васек, скидывая ноги со стола и «бросаясь» ко мне с «объятиями». – А нам тут про тебя такого понасвистели...

– Брешут, как обычно! – похлопывая друга по спине, произнес я. – Жив-здоров...

– Лужу в больнице! – закончил за меня известную фразу Васек. – Ты вообще какими судьбами?

– Да, проверить кое-чего хочу... – напустил я туману. – Посоветоваться-пошептаться бы...

– Ну, это мы мигом сообразим! – обрадовано произнес Васек, потирая ладони. Нажав кнопку вызова на селекторе, он произнес:

– Леруня, детка, приготовь нам все в лучшем виде!

– Хорошо, Василий Иванович, – донесся до нас голос секретаря из динамика.

– И меня ни для кого нет! Запомни: нет... ни... для... ко... го!

– Ты уверен? Что он не человек? – спросил хозяин подземелья, которого приходец назвал Великим Магистром.

– Абсолютно! – с жаром воскликнул человек, притворяющийся пьянчужкой. – Он не среагировал на «Знак Танатоса», усиленный «Поцелуем Горгоны»!

– Да, любому человеку от такого сочетания пришлось бы худо! – согласился хозяин подземелья. – Даже защищенному человеку гарантирована как минимум жуткая головная боль и заторможенность движений, при таком-то гамбите... Поздравляю, Брат, наконец-то мы приблизились к завершающей стадии. Как же долго я ждал этого момента!

– Я рад за вас, Магистр!

– Это надо отметить! – Великий Магистр вытащил из ветхого деревянного стеллажа пыльную пузатую бутылку и ловко её открыл. – Этому коньяку больше трех сотен лет! – похвалился он, разливая благоухающий напиток по бокалам. – Его пил мой прапрапра и еще сколько-то там прадед...

– А кем был ваш прадед, Великий Магистр?

– Садись, Аркадий, – пригласил к столу человечка Великий Магистр, – обойдемся сегодня без чинов.

– Хорошо, Вольдемар Робертович, – кивнул Аркадий, пристраиваясь на краешке антикварного кресла.

– Ты самый преданный мне человек во всем Ордене, – произнес Магистр, наслаждаясь чудесным запахом напитка, – ты имеешь право знать все... С сегодняшнего дня я посвящаю тебя в Приоры... Если все пройдет, как я планирую, ты получишь под начало весь Российский Приорат. Позже мы проведем торжественный обряд, как того требует наш устав. Братья должны видеть, что преданность общему делу способна творить чудеса. В качестве Приора Ордена Храма ты приобщишься древних тайн и знаний.

Вольдемар Робертович сделал маленький глоток, подержал напиток во рту, и только после этого его проглотил.

– Чудесный, насыщенный букет! А послевкусие вне всяких похвал! – восхищенно произнес он. – Я берег эту бутылку именно для этого момента. Что касается моего прапрапрадеда, он был известным человеком, магом, алхимиком, звездочетом, соратником Петра Первого.

– Я, кажется, догадался, о ком вы говорите, – произнес Аркадий. – Это Яков Брюс? Только...

– Говори открыто, Аркадий, не смущайся. С сегодняшнего дня между нами нет тайн.

– Согласно официальной исторической версии, у Якова Брюса не было детей.

– Вот ты о чем? – совершенно спокойно отреагировал на замечание Великий Магистр. – Да, у Якова Брюса не было детей в браке... Но одно время он встречался на стороне с некоей графиней Горчевской. Сын Брюса, о котором неизвестно официальной истории – внебрачный. Моя полная фамилия – Горчевский-Брюс. Наша семья никогда не афишировала родство с Яковом Брюсом, ибо такова была воля последнего хранителя знаний Храмовников. И эти знания он передал нам, своим потомкам. Сейчас мы находимся под фундаментом известной Сухаревской башни Брюса. В этих подземельях мой прадед проводил свои уникальные опыты. К слову сказать, ему удалось получить по старинным рецептам философский камень, либо вещество, близкое ему по свойствам...

– Но... это же власть над смертью! – ахнул новоиспеченный Магистр Ордена. – Неужели легенды про «предсмертные опыты» Брюса – правда?

– Ты о слухах, когда его разрубили на части и поливали живой водой? – уточнил Горчевский.

– Да.

– Увы, мой друг, увы – это всего лишь досужие вымыслы! – горестно вздохнул Вольдемар Робертович. – Этот препарат не продлевает жизнь и не дарует бессмертие, но он гарантированно превращает свинец в золото самой высшей пробы. В руках моей семьи все время хранился изрядный запас этого красного порошка. Мы не бедствовали... Но никто из моих предков и родственников так и не отважился возродить Орден Храма во всем своем блеске! А ведь в должниках у Тамплиеров ходили практически все монархи Европы! До некоторых пор и мне было запрещено даже думать о возрождении. Но семь лет назад я остался последним в роду...

– И вы решились?

– И я решил, что пора Ордену выходить из подполья. Кое-кто должен ответить за столь долгое забвение...

– А как же «Российское Командорство Тамплиеров»? – спросил Аркадий. – Они же считают себя истинными приемниками Храмовников.

– Жалкие шуты, паяцы! – скривился Великий Магистр. – Считать и быть – разные вещи. Да они и не имеют ничего «за душой»! А в моих руках сосредоточено все наследие Великого Ордена «Нищенствующих Рыцарей Христа и Храма Соломона»! В моем распоряжении даже долговые расписки европейских монархов, не говоря о Святых Реликвиях...

– Неужели в ваших руках, Магистр, и Ковчег Завета? – не поверил Кремнев.

– Да. Он и многое другое. Все, кроме Казны... Её растратили за годы скитаний. Но это, как ты знаешь, не проблема. Средств у нас предостаточно – поможет красный порошок Брюса.

– Мне даже не верится! – возбужденно признался Аркадий. – Неужели все досталось Брюсу?

– Казну и архив Жак де Моле успел заблаговременно вывезти. Филиппа Красивого ждало страшное разочарование – ему не удалось пожить легендарным золотом Тамплиеров. Сокровища и реликвии были вывезены из Парижа и доставлены в порт Ла-Рошель. Там братия перегрузила сокровища на галеры и отбыла в неизвестном направлении. В море Тамплиеры разделились: часть судов, на которых преимущественно находилась казна, взяли курс на далекую и холодную Русландию...

– Матерь божья! – не сдержался Кремнев. – Значит эти шуты из «Российского Командорства» были правы? И их бездоказательные утверждения о том, что часть Тамплиеров осела в России...

– Да, в этом они не соврали. В лето 1307-ое Юрий Данилович Московский находился в Новгороде, – по памяти воспроизвел слова одной из летописей Вольдемар Робертович, – где вместе с новгородским архиепископом и всеми людьми встретил заморских калик, прибывших на 18-ти набойных насадах. Калики привезли «несметное многое множество золотой казны, жемчуга и камения драгоценные», чем поклонились Юрию, владыке и всем людям. После чего странники пожаловались встречающим на «всю неправду князя галлов и папы».

– Вот, значит, почему как раз после разгрома Ордена с 1307-ого года по 1340-ой год, Москва из скромного уезда, как в сказке превращается в Великое Княжество, – свел воедино всю полученную информацию Кремнев.

– Вот-вот! Не случайно с 1325-ого года Москва становится столицей Русской церкви! – продолжил Вольдемар Робертович. – Местом пребывания митрополита всея Руси. Москва долгое время была опорным пунктом – комтурством Тамплиеров. До 1314-ого года имел место массовый приезд в Москву служилых людей. Рыцари «на коне в доспехе полном» приезжали из орды, из Литвы, «от немец»... Это были Тамплиеры, Аркадий, сбежавшие от инквизиции и французского короля! Да вся Москва помечена следами Тамплиеров! Тебе ли, как историку,

этого не знать, Брат?! – глаза Горчевского загорелись маниакальным блеском. Аркадий, как загипнотизированный тоже поддался чувствам, духовно роднившим его с Великим Магистром.

– Достаточно дойти до стен Свято-Данилова монастыря. На первом ярусе надвратной башни любой имеющий глаза может увидеть лепные розетки в форме герба тамплиеров – белая квадратная рамка, четыре кольца срезают углы квадрата, в центре шести лепестковая роза... Даже герои сражения на Куликовом поле монахи Ослябя и Пересвет – и те Тамплиеры! Если посмотреть могильную плиту Пересвета и Осляби в Симоновом монастыре, обнаружим те же кресты – символы Ордена Тампля. Нашего Ордена, Брат! Практически, куда ни плюнь – Тамплиеры!

– А что произошло с остальными братьями, когда они разделились? – вспомнил вдруг Аркадий. Горчевский пока еще не раскрыл ему эту тайну.

– Часть братьев, хранителей архива и реликвий, осели в Шотландии. При их поддержке король Роберт Первый освободил свою страну от владычества Англии. В благодарность Роберт учредил и возглавил Первый Шотландский Орден Тамплиеров «Андрея Первозванного и Шотландского Чертополоха». Ну а род Якова Вилимовича Брюса ведет свою историю от короля Шотландии Роберта Первого.

– Этот факт мне известен, – кивнул Аркадий. – Но одно дело предполагать...

– А другое – знать наверняка! – довольно закончил Горчевский. – Еще остались наследники Ордена в Англии. Не так давно, некто Бен Ачесон, представитель уцелевшей ветви Ордена, которая располагается в Хэртфорде, потребовал от папы Бенедикта Шестнадцатого официальных извинений за грабеж, убийства и пытки невинных собратьев. Глупец! Извиняются только перед настоящей Силой! Конечно, нам предстоит долгий путь к цели, но мы справимся – начало положено! Это – если мы пойдем обычным путем... Но есть более быстрый, хотя и более сложный путь... – Великий Магистр замолчал, поглощая мелкими глотками старый коньяк.

– Это как-то связано с Юсуповым, его перстнем и азиатом-нелюдем?

– Ты прав, – согласно кивнул Горчевский. – Но, чтобы ты все правильно понял, нам нужно вернуться почти на тысячу лет в прошлое. К истории нашего некогда величайшего Ордена...

Глава 4

Старлей Петрушин выловил майора Сидоренко в конторской столовке, где Сергей Валентинович поглощал обед с завидным аппетитом.

– Приятного аппетита, товарищ майор! – Петрушин подсел за столик Сидоренко.

– Здравствуй, Слава! – кивнул Сергей Валентинович, заметив «голодный» взгляд подчиненного. – Ты обедать или как?

– И да, и нет, – улыбнулся догадке майора старлей. – Есть сведения о «топтуне».

– Отлично! – кивнул Сидоренко. – Ты это, Слава, возьми себе порцию с раздачи, а то смотреть, как ты слюну на кулак наматываешь – у самого кусок в горло не лезет!

– Спасибо, товарищ майор! Я мигом! – Петрушин пулей подскочил со своего места и помчался на «раздачу».

– Не за что! – Вернулся к поглощению пищи Сергей Валентинович, но лейтенант его уже не слышал.

Он вернулся к столу майора с доверху нагруженным снедью подносом: два первых, два вторых, салат, стакан сметаны и аж целых три стакана компота.

При виде сего изобилия Сидоренко только и смог, что покачать головой:

– Ты серьезно все это осилишь?

– Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было! То одно, то другое! Так что, осилю, тащ майор! – лихо отрапортовал младлей. – А может, и еще за добавкой схожу...

– Силен! – вновь качнул головой Сидоренко, наблюдая, как набросился на еду Петрушин.

Майор тоже вернулся к еде, и какое-то время они молча насыщались. После двух тарелок супа старлей произнес, подвигая к Сидоренко принесенные с собой бумаги:

– Сергей Валентинович, я готов!

– Давай в двух словах, отчет посмотрю позже... – Отодвинул бумаги в сторону Сидоренко.

– Кремнев, Аркадий Эдуардович, – сообщил имя «топтуна» Петрушин. – 1962-го года рождения. Холост. Бывший сотрудник КГБ. Внешняя разведка.

– Теперь понятно, откуда взялись навыки слежки, – произнес Сидоренко, закидывая в рот кусочек наисвежайшей булочки с вареньем, которые пекли тут же в столовке. – Извини, Слава, продолжай!

– После 1991-го Кремнев неожиданно увольняется из органов. Поступает на заочное отделение исторического факультета МГУ. В его личном деле написано, что он с детства увлекался историей. Особенно историей воинствующих монашеских орденов. Ну, там Тевтонский, Ливонский, Мальтийский...

– Да понял я, понял, – с набитым ртом произнес Сергей Валентинович. – Дальше давай!

– Ага. Досрочно получает диплом, аспирантура, защищает кандидатскую... – прикрыв один глаз, по памяти декламировал Петрушин. – В общем, полностью законопослушный гражданин. Да еще и кандидат исторических наук!

– Тогда скажи мне, Слава, – проглотив булочку, спросил старлей Сидоренко, – на кой этому Кремневу партизанить за Юсуповым, переодевшись бомжом?

– Не знаю, Сергей Валентинович, – развел руками Петрушин. – Ничего толкового в голову не приходит!

– А ты ничего не напутал? Может быть, это не Кремнев? Кто-нибудь с его документами?

– Не, товарищ майор! Я этого партизана хорошо рассмотрел, – стоял «на своем» Петрушин. – Он это – Кремнев. Такой тщедушный мужичонка. Неприметный... Да и на фотках в архиве тоже он! Сейчас мы отработываем его связи, круг знакомств...

– Да, – согласился с подчинённым майор, – нужно прощупать хорошенько этого кандидата наук. Кстати, как там Петренко в Новокачалинске? Не докладывал?

– Так точно – отзвонился. Буквально час назад. Все сделал чисто и аккуратно – комар носа не подточит! К вечеру будет в конторе.

– Хорошо, как только появится – тут же ко мне.

– Так точно, товарищ майор!

Джинн открыл рыцарям тайну кольца. Поведал о хранителе и о возможностях артефакта. Теперь ты понимаешь, Аркадий, какое чудо попало в руки к этому невежде Юсупову? – спросил Горчевский. – Какое сокровище попало к маленькому, слабовольному, да попросту ничемному человечешке? Он мог стать Богом этого мира, а стал паяцем, пусть всемирно известным, но шутом... Деятелем культуры! – Горчевский презрительно скривил тонкие аристократические губы.

– Вольдемар Дмитриевич, а откуда вам известна эта история?

– Наследие Брюса, – коротко пояснил Горчевский. – Я тебе рассказывал, как сумевшим избежать казни братьям, удалось вывезти из Франции архивы Ордена. Но средства к существованию быстро закончились...

– Постойте! Как средства закончились? Они же обладали секретом красного порошка...

– Все записи были зашифрованы. А все посвященные в Тайны Ордена были сожжены на костре вместе с Жаком де Моле. Простые братья-хранители не имели ключей, чтобы прочесть бумаги. Они долго скитались по свету, их ряды таяли. В конце концов, хранителем архива стал Яков Брюс. Он сумел подобрать ключи к коду и расшифровать древние рецепты. Но он почему-то не стал... а может быть не захотел возрождать Орден. Я не знаю причин, побудивших его к бездействию. Но он – не я. Я сделаю все возможное. Итак, вернемся к перстню Соломона. Ты же знаешь, как легенды описывают приобретение Соломоном волшебного перстня?

– Да, его передали Соломону ангелы.

– То есть – Высшие Силы?

– Выходит, что так, – согласился Кремнев.

– Теперь, когда ты знаешь, что все это бред «сивой кобылы», что скажешь ты о Высших Силах?

– Но они же существуют? – не зная, куда клонит Великий Магистр, подобострастно спросил Аркадий.

– Силы существуют, но этой силой может стать любой смертный, завладевший кольцом! Так что все обвинения в ереси, выдвинутые против нашего Ордена – абсолютно несостоятельны! Когда мы возвысимся, Брат, мы сотрем все религии! Весь мир будет молиться Тамплиерам, ибо мы будем подобны Богам! Нет, мы и будем Богами этого мира! Осталось решить одну маленькую проблемку: как завладеть магическим кольцом?

– Товарищ генерал? – в кабинет Кузнецова заглянул майор Сидоренко. – Разрешите?

– Заходи, – кивнул генерал. – Что-то срочное?

– Так точно, Владимир Николаевич! – отрапортовал Сидоренко. – Появилась новая информация: ребята слежку за Юсуповым засекли...

– Ох, ты! – как будто обрадовался старик. – Значит, кроме нас им еще кто-то интересуется?

– Так точно! Личность одного из «топтунов» нам удалось установить: это некто Кремнев, Аркадий Эдуардович. Бывший контрразведчик, а ныне кандидат исторических наук, преподаватель в одном из вузов Москвы.

– О, как? – звонко хлопнул в ладоши Владимир Николаевич.

– Я тоже удивился, но парни заверили, что ошибки быть не может. Следил за Юсуповым под видом бомжа. Но он был не один. Парни Петрушина насчитали за сутки не менее семи человек, передающих Юсупова из рук в руки. Слежка организована толково, со знанием дела.

– Видать этот Кремнев в контрразведке не штаны в кабинетах протирает. Сам как думаешь, на кого он работает?

– Теряюсь в догадках, – признался Сидоренко. – Может конкуренты?

– Чьи?

– Юсупова. Он ведь, как-никак, олигарх. У него куча заводов, газет, пароходов, всякие-там ноу-хау, секретные разработки...

– А вот мне почему-то сдается, что это наши «конкуренты». Мистики-эзотерики. Практически во всех странах мира, – продолжил генерал, – существуют государственные структуры, подобные нашей. А сколько еще частных конторок, тайных орденов, оккультных сообществ? – риторически спросил Кузнецов. – И если мы с вами обратили внимание на раритетную вещь господина Юсупова, почему этого не мог сделать кто-нибудь другой?

– Но ведь книга о настоящей истории Соломона хранится у нас, а единственная копия – в Ватикане!

– Сережа, а сколько еще неизвестных свидетельств ходит по миру? Может быть кто-то, кроме нас и Римского Папы владеет этой тайной! Не стоит сбрасывать со счетов неизвестные нам факторы.

Старший лейтенант Петрушин резво взбежал по ступенькам института, в котором официально работал интересующий 16-ый отдел субъект, а именно – Аркадий Эдуардович Кремнев. Остановившись на широком крыльце под козырьком, старлей огляделся, а затем подошел к группке курящих студентов, что-то обсуждающих на свежем воздухе.

– Ребята, – обратился он к ним, – как мне пройти на кафедру истории?

– Вам в левое крыло, третий этаж, – подсказал один из парней, на секунду отвлекаясь от разговора с товарищами. – Там увидите. На деканате табличка висит.

– Спасибо, ребята! – поблагодарил Слава, проходя внутрь высшего учебного заведения.

В холле он сразу определился с направлением. На лифте решил не ехать – пошел по лестнице пешком. Возле дверей деканата Петрушин задержался.

– Декан Вольдемар Робертович Горчевский, – прочитал он вывеску на дверях.

В приемной он застал миловидную секретаршу, прихорашивающуюся перед зеркалом.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Петрушин. – Могу я поговорить с деканом?

– С Вольдемаром Робертовичем? – переспросила девушка.

Слава кивнул.

– А по какому вопросу?

– По служебному. – Петрушин показал девушке удостоверение сотрудника ФСБ.

– Что-то случилось? – испуганно косясь на красную «корочку», спросила девушка.

– Нет-нет! – поспешно принялся успокаивать девушку старлей. – Мне просто нужно обсудить с ним один вопрос...

– Консультация? – предположила секретарша. – Вольдемар Робертович прекрасный знаток холодного оружия. К нему часто приходят на консультацию из органов...

– Да, что-то типа консультации, – решил подыграть девушке Петрушин. – Так я могу его увидеть?

– Вольдемара Робертовича еще нет. Но он вот-вот будет. Вы можете его подождать. Хотите чаю?

– С удовольствием! – улыбнулся Слава. – Почту за честь провести время с такой прекрасной девушкой!

– Ой, да ладно вам! – польщено отозвалась девушка.

– А это вам, – Слава достал из внутреннего кармана большую молочную шоколадку, которую заблаговременно купил в супермаркете рядом с институтом.

– Ой, как хорошо! – обрадовалась девушка. – Вот с ней чаю и попьем.

Но выпить чаю с секретаршей Петрушину не удалось. В кабинет стремительно вошел поджарый мужчина лет пятидесяти.

– Доброе утро, Вольдемар Робертович! – поздоровалась с деканом девушка.

– Здравствуй, Леночка! – ответил Горчевский.

– А к вам посетитель, – сообщила она боссу. – Из органов. За консультацией.

– Старший лейтенант ФСБ Петрушин, – представился Слава.

– Горчевский, Вольдемар Робертович. – Декан протянул сухую ладонь Петрушину.

Рукопожатие декана, не смотря на его поджарость, оказалась крепким.

"Сильный мужик", – подумал старлей.

– Что ж, прошу в мой кабинет! – произнес Горчевский, распахивая перед Славой обитую черной кожей дверь.

– Чем могу? – спросил он старлея, когда они расположились в кабине. – Какую именно консультацию вы хотите получить?

– Видите ли, – произнес Петрушин, – мне нужна не совсем консультация... Вернее, совсем не консультация. Я хотел с вами поговорить по поводу одного вашего сотрудника...

– У-у, и чем же этот наш сотрудник заинтересовал вашу контору.

– Меня интересует Кремнев, Аркадий Эдуардович. Как вы можете охарактеризовать этого человека?

– Кремнев? – не дрогнув ни единым мускулом, переспросил декан. – Отличный человек... А что он натворил?

– Не беспокойтесь, Вольдемар Робертович, ничего он не натворил.

– Тогда я не понимаю вашего интереса, – произнес Горчевский. – Он абсолютно положительный гражданин, ученый, кандидат наук... Возможно, вскоре защитит докторскую. Преподаватель от бога – студенты его любят...

– Интерес нашего ведомства касается его предыдущего места работы. Вы ведь знаете, что одно время он служил в контрразведке... Внешней.

– Да, конечно знаю! Он никогда этого не скрывал. А что, неужели его служебная деятельность... Да нет, уже сколько-то лет прошло?

– Всплыло одно нехорошее дело... Я не могу вам рассказать детали, вы же понимаете – Государственная тайна!

– Да-да! – закивал головой декан. – Понимаю. Так что же вы хотели узнать? Его характеристика с места нынешней работы – безупречна. Можете не сомневаться. И человек он отличный...

– Скажите, Вольдемар Робертович, вы не замечали за Кремневым каких-нибудь странностей?

– Странностей? – лицо декана удивленно вытянулось. – Вы знаете – нет!

– Хорошо, Вольдемар Робертович, это я и хотел узнать. – Петрушин поднялся из-за стола. Возле дверей он остановился:

– Да, Кремневу о моем посещении лучше ничего не говорить... Это в его интересах и в интересах дела. А то еще наделает глупостей...

– Хорошо, товарищ... Э...

– Старший лейтенант Петрушин, – подсказал Слава. – Честь имею!

– До свидания! – попрощался Горчевский.

Минут десять после ухода контрразведчика декан о чем-то усиленно раздумывал. Затем, нажав кнопку селектора, вызвал секретаршу:

– Леночка, товарищ из ФСБ уже ушел?

- Да, Вольдемар Робертович. Сразу, как только от вас вышел...
- Тогда найди мне Кремнева.
- Так это, Вольдемар Робертович, у него пары.
- Срочно, Леночка, срочно! Потом материал нагонит.
- Хорошо, я сейчас позвоню ему на сотовый.
- Жду, – коротко бросил Горчевский, выключая селектор.
- Через десять минут в его кабинет вошел Кремнев.
- Вызывали, Вольдемар Робертович?
- Садись, Аркадий, есть серьезный разговор.
- Что случилось? – спросил Аркадий, присаживаясь на кресло.
- Был у меня сегодня лейтенантик из ФСБ. Интересовался твоей личностью. Плел что-то про какое-то нехорошее старое дело с прежнего места службы...
- Да какое дело? – изумленно всплеснул руками Аркадий. – Столько лет... Да даже если и было что, меня бы уже давно за хобот взяли! Нет у них на меня ничего, Вольдемар Робертович...
- Знаю, Аркадий, знаю, – процедил сквозь сжатые зубы декан Горчевский.
- Постойте, Вольдемар Робертович... А вам-то откуда это известно? Вы ведь с конторой...
- Да не простой это человек был! Я его и так, и этак... Внушению не поддается...
- Бывают люди, которые не поддаются гипнозу, – пожал плечами Кремнев.
- Только не "Гласу Сирены"!
- Он не поддался "Гласу"? – не поверил Аркадий.
- И не только "Гласу"... Это посвященный, Брат! Подручными средствами мне не удалось проломить его защиту.
- Так он не из конторы?
- Не знаю, Аркадий, не знаю! – Покачал головой Горчевский. – Возможно, что одно другому не мешает... Что ты знаешь о шестнадцатом отделе? Ты же служил в конторе!
- Шестнадцатый, шестнадцатый? – наморщил лоб Кремнев. – Если не ошибаюсь, этот отдел в конторе занимается дешифровкой и радиоперехватом.
- Вся эта дребедень с радиоперехватом не более чем прикрытия, – выдал Горчевский. – Слишком мощная магическая защита! Чего же этим "шифровальщикам" от тебя нужно? Вспоминай, может засветился где?
- Знать бы по какому поводу? – задумчиво потер гладко выбритый подбородок Аркадий. – Да ничего такого в последнее время... Хотя постой, – вспомнил он, – когда я за Юсуповым таскался, у меня патруль ментовской документы проверял... В принципе, ничего особенного – я ж под синегала работал. А таких ППС всегда щиплет...
- Но вариант, что патруль действовал по наводке этого необычного паренька из ФСБ, тоже нельзя скидывать со счетов.
- Согласен, Вольдемар Робертович, нельзя, – не стал спорить Кремнев. – Но какого дьявола им от меня нужно?
- Узнаем, Аркадий, обязательно узнаем! – Хищно оскалился Горчевский. – У тебя остались какие-нибудь связи с конторой?
- Есть один надежный человек, – ответил Кремнев.
- Попытайся через него выяснить, что за птица этот старший лейтенант Петрушин... И служил ли он действительно в ФСБ.
- Постараюсь выяснить это как можно быстрее, Вольдемар Робертович.
- Если нужно, можешь пустить в ход тяжелую артиллерию...
- Внушение?

– Все, что угодно! Нам нужен результат! Когда цель так близка, мы не имеем права рисковать!

– А что с Юсуповым делать? Отозвать парней?

– Ни в коем разе! – возразил Горчевский. – Пусть продолжают наблюдать. Нам должен быть известен каждый его шаг, привычки, излюбленные места...

– Понял, Вольдемар Робертович. Ну, я пойду? У меня еще две пары...

– Давай, Аркаша, я на тебя надеюсь!

Глава 5

Дождаясь, пока Леруня приготовит нам все «в лучшем виде», Васек с глубокомысленным видом расхаживал по своему шикарному кабинету, докладывая о своих главных достижениях.

– Пока тебя не было, с арабами мы за нефть перетерли. Все на мази. С Гейтсом пару встреч организовали, думаю, схавает он наше предложение за милую душу – такого программного продукта, чтобы хоть отдаленно соответствовал нашим последним разработкам, нет пока ни у кого в мире...

– Вась, Вась, – взмахнув рукой, остановил я разошедшегося друга. – Я с тебя не отчеты требовать приехал. И не нашу дальнейшую стратегию развития обсуждать...

– А зачем же? – Васька удивленно посмотрел мне в глаза, даже с шага сбился.

– Василий Иванович, все готово! – прошептала смазливая Васькина секретарша, расставив на совещательном столе дорогую выпивку-закуску.

– Молодец, красотуля! – довольно произнес Васек, оценив «стол». – Можешь идти. Только помни...

– Вас ни для кого нет? – повторила она Васькину фразу, брошенную им по селектору.

– Умничка! – расплылся в улыбке Васек, звонко шлепая секретаршу по упругой заднице. – На премию заработала!

– Ой, Василий Иванович, спасибочки вам огромное! – рассыпалась в благодарностях секретарша, исчезая за дверьми кабинета.

Васька уселся за длинный стол переговоров, установленный перпендикулярно его столу. Я уселся напротив. Васька разлил по бокалам благоухающий коллекционный Тессерон ХО и, слегка взболтнув золотистую жидкость, втянул ноздрями насыщенный аромат винных паров.

– Семидесятка выдержки, представляешь! – не без гордости сообщил он мне.

– Да, – согласно кивнул я, погружаясь в мощные и изящные, с легким цветочным ароматом, тона какао и кофе мокко, – красиво жить не запретишь!

– А то, – согласно кивнул Васька, – хорошо жить – хорошо!

– А хорошо жить – еще лучше! – закончил я известное на весь Союз изречение.

– За встречу, Серега! – он слегка стукнул краем своего фужера по краю моего.

– Дзинь! – отозвалось мелодичным звоном хрупкое стекло.

– За встречу, Васек! – Я бросил ответочку, пригубил коллекционного коньяку и блаженно зажмурился. Его рансье – сочетание вкусов мёда, сухофруктов, дубильных веществ и дорогого табака, типичный для старых выдержанных коньяков, сводил мои вкусовые рецепторы с ума.

– Вещь! – Васька поставил опустевший бокал на стол и схватил с тарелки порезанный лимонный кружок, посыпанный сверху сахарком.

– А ведь не так давно мы с тобой бражку у моего деда из бидона тырили, – вспомнил я былые времена.

– А ведь тоже вкусная была, зараза! – Васек, от нахлынувшей внезапно ностальгии, едва не прослезился. – А как мы её пили? А, Серег? Как пили? На речке, да у костерка! И не было тогда свете счастливее...

– Ага, – согласился я, – и как блевали потом без памяти. Как от родоков по шеям получали... Помню, Васек, все помню!

– Э-э-э-х! – воскликнул с тоской Васька, начисляя еще по одной. – Куда это счастье подевалось? А? Все бежим куда-то и бежим! Вроде бы можно и притормозить: есть все, чего только душа пожелает! Вот, хотя бы тот же семидесятилетний коньяк – пей, не хочу! Хоть каждый день его лакай! А вот счастья... – Васька залпом хлопнул начисленную дозу дорожущего спиртного, словно стопку банальной водяры. – А счастья-то нет!

– У-у-у, как все запущено! – проглотив и свою порцию коньяка, произнес я в ответ.

– Вот по этому поводу, Васек, я и приехал с тобой поговорить! Так сказать, по душам...

– Серьезно, – не поверил Васек. – У тебя же, Серж, все вроде как на мази? Хотя, мне как-то Проха жаловался, что с тобою в последнее время что-то не то творится.

– Так и у тебя, Васек, вроде все на мази, – произнес я в ответ. – А чего ж тогда, дергаешься? Какое-то счастье вдруг искать вздумал?

– Да вот, беспокойно как-то на душе, – признался Васек. – Вроде бы и действительно нефиг и дергаться... Финансового запаса, даже при моих тратах, еще на сто лет хватит! Активы растут... Но чего-то не хватает мне, Серега? Только вот чего? Не пойму...

Я не удивился, слушая Васькины откровения, так перекликающиеся и с моими терзаниями. Я уже некоторое время назад начал замечал замечать за Васьком «этакое настроение», только я сам был немного занят самим собой, чтобы основательно проанализировать состояние одного из моих лучших друзей.

– Растешь, дружище! – произнес я, взглянув на приятеля детства совсем другими глазами. – Я в твои-то годы и не помышлял о «высоком», – признался я.

– В твои-то годы? – удивленно вскинул брови Васек. – Да мы с тобой одногодки, Серый!

Ну да, заговорился: Васька-то ни сном ни духом ни о моем настоящем возрасте, ни о том, что это моя, как бы это сказать, не первая в общем-то жизнь.

– Может, Прохор и прав, что ты немного кукухой двинулся? Ведь все писатели немного «с приветом».

– Как же без этого, – со смехом подтвердил я предположение Васька, – все мы немного двинутые!

– Ну, а за это обязательно надо выпить! – Васек наполнил бокалы. – Чтобы крышак всегда на месте стоял в этом напрочь двинутом мире! – толкнул он что-то вроде тоста.

«Знал бы ты, – подумал я, в очередной раз чокаясь с Васьком, – что я, пока только теоретически, могу сотворить с этим двинутым миром?»

Но вместо этого лишь произнес:

– Будет стоять мертво, Васек! Это я тебе обещаю!

– Ну, спасибо и на этом! – гоготнул мой товарищ, заглатывая существенную дозу спиртного.

Я поспешил последовать его примеру. Коньячок, приятно опалив непередаваемым ароматом вкусовые рецепторы, прокатился по пищеводу и разошелся теплой истомой по всему организму. В голове слегка зашумело. Ну да, из меня же еще не вышла та гашишная хрень, которой потчевал меня давеча Ашур Соломонович. Главное, чтобы совсем не накрыло! А то мало ли чего я там себе в похмельном бреде интуитивно пожелаю. Старик сказал, что в моих силах изменить даже физические законы этого мира. Так что аккуратненько надо, аккуратненько...

– Так о чем ты со мной по душам переговорить-то хотел? – Закусив колбасной нарезкой, вернулся к предыдущей теме нашего разговора Васек.

– Да знать бы с чего начать? – честно признался я. – Поговорить о многом хотелось, но вот выделить главное... Хоть убей – не могу!

– Серег, – Васька встал со своего места, обошел вокруг стола и обнял меня за плечи, – мы с тобою с детства дружим. Знаем друг друга, как облупленные... – Он помолчал, видимо собираясь «с силами». Я давно хотел тебя об этом спросить, только не знал, как ты отреагируешь... Поэтому не решался...

– Давай уж, чего тянуть? – Подтолкнул я приятеля.

– Серж, скажи, ты человек? Или существо иного порядка?

– У-у-у, батенька, да вы, никак, напились? – Я попытался отшутиться, но не прокатило – Васек был настроен очень решительно.

– Нив одном глазу! Так ты человек, или кто? – Он вновь попытался припереть меня к стенке своим вопросом.

– Ты меня инопланетянином, что ли, считаешь? – Я стер с лица шутливое выражение и серьезно взглянул в голубые Васькины глаза.

– Я вообще не знаю, кем тебя считать, – правдиво ответил мой друбан. – Но, какими-нибудь аналитическими навыками, с твоей, между прочим, подачи, я овладел. Знаешь ли, обучение у лучших забугорных экспертов и аналитиков, неважно в какой сфере, политической ли, экономической ли, оставляют большой след! Вот тут! – Он постучал указательным пальцем себе по лбу. – Но то, что ты не обычный смертный, как я, или вон Леньчик – факт! Знаешь, когда ы перестал быть обычным человеком?

– И когда же?

– Летом восемьдесят девятого! Я все проанализировал: и твою творческую деятельность, и коммерческую и даже твой дар предвидения... нет-нет, не отрицай, что он у тебя есть!

– А он у меня есть? – Я не смог удержаться от ехидной улыбочки.

– А то! – нервно хохотнул Васек, отпуская мои плечи и возвращаясь на свое место.

Он вновь начислил нам еще по одной. Мы выпили, и он продолжил:

– Табачный кризис помнишь?

Я кивнул:

– Конечно.

– Я на нем поднялся с твоей помощью! Спасибо, Серег! Если б не ты...

Если бы не я, Васек, ты бы уже больше десяти лет, как говориться, со святыми упокой...

Но вслух, естественно, я этого не произнес.

– ... я бы не в люди и не выбился! Ведь я даже и о вышке не помышлял – ты меня заставил!

– Думаешь, зря заставил? – улыбнулся я, точно зная, что он мне сейчас ответит.

– Какой там! Ты попал точно в яблочко! Как, впрочем, и всегда! Экономика – это мое! Я сам это понимать начал, когда все у нас более-менее серьезно закрутилось! А там и Гарвардская профессура помогла, и Кембридж... Я первую научную степень там получил! Да еще в самом престижном университете мира! Мог ли подумать тот, вчерашний Васек, из фазанки, что станет хотя бы аспирантом, а не то что доктором экономических наук?

– Я рад за тебя, Василий Иванович! – со всей серьезностью, которую только смог из себя выдать, произнес я, протянув Ваське открытую ладонь. – Поздравляю, вас, профессор!

– Доктор, – поправил меня Васек, пожимая протянутую руку. – Хотя их доктора наук, котируются на где-то уровне наших кандидатов.

– Но и это отличный результат, дружище! – от всего сердца радовался я за старого друга. – Главное, что ты нашел себя в профессии, а значит, не пройдет много времени и ты найдешь себя в жизни! Думаю, что звание счастливого профессора, а еще лучше – счастливого академика придется тебе по душе!

– Ты дьявол! Гребанный дьявол-искуситель! – беззлобно выругался Васек, откидываясь на спинку кресла. – Так и не скажешь ничего?

– Поверь, пока не могу! – положив руку на сердце, произнес я. – Но ты будешь первым, кто узнает всю правду обо мне, – пообещал я. – Я думаю, что до этого момента совсем недолго осталось...

– Но предвидение – это же твоя тема? Я анализировал, – пошел по второму кругу Васек. – Невозможно было предсказать с такой поразительной точностью, используя лишь аналитическую и инсайдерскую информацию, прошедшие кризисы, всякие черные вторники и пятницы! И вот, не разразившейся еще дефолт, – неожиданно вспомнил он. – Ты же знаешь точную дату, когда он произойдет?

– Знаю! – Я не стал в этот раз юлить и темнить, оставляя друга в неведении относительно моих возможностей. – Семнадцатого августа текущего года будет объявлен техниче-

ский дефолт по основным видам государственных долговых обязательств. Одновременно будет объявлено об отказе от удержания стабильного курса рубля по отношению к доллару. Правительство больше не будет его искусственно поддерживать массивными интервенциями Центробанка...

– Мля! – выругался Васек, плюхнув в пустые фужеры еще по доброй дозе семидесятилетнего конька и, не дожидаясь моего «присоединения», залпом его всадившего. – Но как, Серега? Как? – хватая воздух опаленной спиртным пастью, просипел Васек. – Ты экстрасенс, мать твою? Пришелец из будущего? Кто? Сам Господь Бог? Может мне покреститься нужно, чтобы приобщиться твоих тайн? Что? Что мне сделать?

– Для начала – успокоиться! – рявкнул я на разнервничавшегося друга, тоже залпом всаживая свою дозу конины.

Знал бы ты, Васек, как близок к отгадке моего поистине божественного всеведения! Но не могу я тебе пока этого сказать, хоть и рвется мое сердце на куски... может быть просто от смеси конины с гашишем меня так на «розовые сопли пробило»?

Занюхав рукавом, я выдохнул и уже намного произнес:

– Вась, я серьезно пока ничего не могу тебе рассказать! Но как только – ты первый!

Васька посмотрел на меня слегка налитыми кровью глазами.

– Без балды? – спросил он, буравя меня немигающим взглядом.

– Без балды, дружище! – пообещал я ему. – Клянусь!

Утренний развод в 16 отделе начался не совсем обычно: все время, пока майор Сидоренко заслушивал доклады сотрудников, старлей Петрушин не переставая чесался, чем жутко нервировал старшего по званию. Наконец Сергей Валентинович не выдержал и взорвался:

– Петрушин, да чего ты чешешься, словно пес шелудивый?! Чесотку подхватил?!

– Не знаю, – виновато пожал плечами Слава. – Ничего не могу с собой поделать. Кожа зудит – спасу нет! – пожаловался он начальнику.

– Так в поликлинику сходи, проверься! Анализы какие-никакие сдай! На сегодня я тебя освобождаю...

– Здравствуйте, товарищи офицеры! – В кабинет Сидоренко заглянул генерал Кузнецов, привлеченный громкими восклицаниями майора.

– Здравия желаем, товарищ генерал! – нестройным хором отозвались сотрудники отдела.

– Что за шум, а драки нет? – любопытствовал Кузнецов. – И чего это ты, майор, Петрушина от задания освободил?

– В целях профилактики заразных заболеваний, товарищ генерал, – ответил Сидоренко.

– Это каких же? – прищурился Кузнецов.

– Не знаю, например, чесотки или лишая, какого. Чешется Петрушин...

– Что ты сказал? – неожиданно взволнованно переспросил Кузнецов. – Чешется?

– Так точно, чешется, товарищ генерал! – с готовностью подтвердил майор. – Пусть в больницу сходит, анализы там...

– Помолчи-ка, майор! – попросил генерал. – Ну-ка, Слава, сними рубашку.

– Товарищ генерал, – неожиданно застеснялся старлей, – может не надо? Я лучше к доктору...

– Ну-ка цыть! – внезапно рявкнул Кузнецов. Петрушин вздрогнул – такой реакции от тщедушного, всегда спокойного генерала он не ожидал. – Рубаху долой! – тоном, не терпящим возражений, вновь повторил Кузнецов.

Петрушин, не рискнув больше пререкаться с генералом, стянул рубашку. Все тело лейтенанта было обильно покрыто разнообразными затейливыми татуировками: оккультными знаками, пентаграммами, рунами. В районе некоторых знаков кожа была покрыта сыпью, в некоторых местах припухла и покраснела.

– Ох, молодняк! – горестно вздохнул генерал. – Скажи мне, Петрушин, зачем тебя всеми этими наколками разрисовали? Думаешь, это модно, прикольно, или чтобы перед девками форсить? Это твоя защита, дурья голова, которую не так давно кто пытался взломать самым наглым образом! – метал молнии генерал. – Эх, черт, вот пересменка так пересменка... Как же все это не вовремя! Сегодня вечером все, свободные от заданий ко мне в кабинет. Нужно вас немного уму-разуму поучить! Сидоренко!

– Я, товарищ генерал!

– Ты себе защитные татуировки нанес?

– Я...

– Ты-ты!

– Никак нет... Я думал...

– Черт, что же мне с вами делать? Значит так, после совещания – к «умникам» в лабораторию! Чтобы к вечеру был похож на Петрушина!

– Но я...

– Выполнять! – опять рявкнул генерал, да так, что задрожали оконные стекла.

– Есть, как Петрушин!

– Так, Слава, – генерал повернулся к старлею, – теперь вспоминай, когда чесотка началась?

– Да сразу после посещения института, где Кремнев работает...

– Ты что, разговаривал с Кремневым? – опешил Сергей Валентинович.

– Нет, – мотнул головой парень, – я с деканом его пообщался, э-э-э... Горчевским Вольдемаром Робертовичем. Представился сотрудником ФСБ, типа интересуюсь характеристикой Кремнева... В связи со старым делом... Ну, когда сам Кремнев был нашим коллегой...

– А с Кремневым ты случайно не сталкивался? – уточнил генерал. – В коридоре там, либо еще где? Может ты его просто не заметил?

– Обижаете, товарищ генерал! – покраснел Петрушин. – Точно не сталкивался! Вот ей-ей...

– Значит, декан... Так, ребятки, дело принимает серьезный оборот! Чтобы так воздействовать на защиту, силушка нужна не меряная! Серьезный ведун работал...

– Колдун? – переспросил Сидоренко.

– Называй, как хочешь, но это явно не дилетант, – ответил генерал. – Я такой работы лет сто не встречал. Берите под наблюдение этого Горчевского. Только близко к нему не приближайтесь – на расстоянии работайте. Защиту, у кого её нет – поставить, остальным – обновить. Ну и ройте землю, ребята, чувствую, крупная рыбешка заплывла в нашу речушку!

Глава 6

Мы выпили с Васьком еще по одной, и я перешел к тому вопросу, для решения которого, собственно и решил посоветоваться с моим экономически подкованным другом.

– Слушай, старина, а скажи-ка мне, что ты думаешь о том дерьме, которое нас с тобой окружает?

– К-конк-к-кретей ф-формулируй, Серег, – слегка заикаясь, произнес Васек.

Выпитая доза спиртного приближалась к критической отметке, за которой перетереть будет можно только за «взаимное уважение». Нужно было немного форсировать события, а то придется надираться в компании Васька еще разок. Нет, я не против посиделок в хорошей компании, но когда-то и дела делать надо!

– Конк-р-ретизирую. – Мой язык тоже немного заплетался, но шестеренки в голове, как ни странно, крутились, как будто хорошо смазанный механизм. По ходу, продолжал действовать чудесный кальянный состав старого Ашура Соломонович. Надо будет попросить его, чтобы отсыпал своего табачка «на коробок». – Я, Васек, о ситуации в нашем прекрасном царстве-государстве хотел поговорить.

– А чего в нем не так? – не понял «моей печали» Васька. – Живем, хлеб с маслом жуем! На икру тоже хватает: хочь – на черную, хочь – на красную...

– Ну, это у нас с тобой все «на мази», – согласно кивнул я. – А вот у всех остальных, за исключением небольшой прослойки...

– Хы-ы-ы, – пьяно хохотно Васек, – да, мы еще та прослойка!

– У всех остальных дела совсем швах! А через пару недель наступит полная жопа!

– Это ты о дефолте семнадцатого августа? – подобрался Васька, даже немного протрезвел. – На сколько деревянный рухнет?

– Ты же говорил, что тоже просчитывал этот момент? Что вышло по твоим прикидкам?

– Пол моим прикидкам это должно было случиться еще полгода-год назад! Я же не Нострадамус, чтобы с такой точностью предсказывать!

– Нострадамус, к примеру, тоже точных дат никогда не называл, – заметил я. – Все его, так называемые, предсказания, настолько размыты и неоднозначны... Да под них что хочешь загнать можно! Только ты так и не сказал насколько?

Васька долго смотрел на меня, видимо, собираясь с мыслями.

– Как минимум до пятнадцати должен рухнуть! А вообще и восемнадцать деревяшек за одну шершавую шкурку, наверное, может...

– Двадцать один, – бухнул я, – к Новому 99-ому году!

– Мля! – Пришел в неописуемый «восторг» от моего заявления Васек. – Я, думал, что и восемнадцать – перебор... А тут двадцать один! Пройдет еще немного времени, он и тридцатку перешагнет! – «пообещал» я.

– Мама дорогая! Это же... это же сколько мы поднимем? – схватился за голову Васек. – Серж, ты голова! Головища! – заревел он, наполняя бокалы по новой. – Это надо отметить! Все наши вклады и активы давно в «зелени»! ГКО сброшены...

– Стоп, Васек! – Я накрыл своей ладонью бокал, не давая другу его наполнить. – Вздროгнем мы чуть-чуть попозже, а то совсем соображать перестанем! А я еще к главному не подошел...

– Как скажешь, Серега! – согласно произнес Васек, припечатывая доньшко второй початой бутылки к столу. Что за главное?

– Ты, Васек, у нас ученый, не то, что Патлас с Ленчиком...

– Повторяешься, – улыбнулся мой дружан. – Но, я не против, я на лесть падкий! Продолжай, внимательно тебя слушаю!

– Устал я, Васек так жить! – пожаловался я приятелю. – Вот и кризис этот, мне как серпом...

– А в чем прикол? – не понял Васька. – Мы ж с тобой столько бабла поднимем...

– Губа бы не треснула... – печально произнес я. – Ты представляешь, как народ обнищает? Они и так с хлеба на воду перебиваются...

– Чего-то я не пойму, Серёг, – слегка напрягся Васька, – а с чего это ты за простой народ вдруг «радеть» начал? Ничего такого за тобой раньше не замечалось? Уж, не в компартию ли надумал вступить?

– Ну это ты загнул. Дружище! – усмехнулся я. – Мне с «папой Зю» совсем не по пути! Но вот простому народу помочь хочется!

– В политику намылился? – по-своему истолковал мое заявление Васька. – С твоими способностями к предсказаниям – тебе там самое место! Если что, то я двумя руками «за»! Мы тебя еще и в президенты пропихнем! А что, в той же Америке Рейгана выбрали? Выбрали. А у тебя в бывшем Союзе каждая собака знает и уважает! В легкую в президентское кресло сядешь...

– Вась, Вась! – постарался утихомирить я разошедшегося друга. – Послушай спокойно и внимательно, что я тебе сейчас скажу...

– Весь во внимание!

– Васек, ты ведь меня знаешь, как облупленного, – «зашел» я издали. – Мы вместе росли: детский сад, школа, бизнес...

– Ну?

– Скажи мне, Василий Иванович, за все время, которое ты меня знаешь, я хоть раз стремился во власть?

Васька задумался на мгновение, а затем отрицательно мотнул головой:

– Нет, не припомню такого.

– И скажи теперь мне, зачем мне именно сейчас, когда вся страна погружается во все более и более глубокую жопу, лезть в этот серпентарий? К тому же, я мог это провернуть это еще несколько лет назад?

– Ну, не знаю? – пожал плечами Васек. – Я предсказывать не умею – это твоя «епархия»!

– Пойми, дружище, я как не хотел «во власть», так и не хочу! Но и терпеть все это говнище, нету больше мочи! Я тут недавно в одной деревеньке «оттянулся»...

– Наслышан-наслышан о ваших подвигах! – усмехнулся Васек, но, заметив недобрый блеск в моих глазах, поспешно заткнулся.

– Так вот эта деревенька – бывший союз в миниатюре: власть предержащие нагибают простых работяг, и живут припеваючи, пока остальные погибают от нищеты! Взятки, бандиты, коррупция! Только мое вмешательство позволило разругать эту херню! Те, кому положено сидеть – сели, кому положено сдохнуть – сдохли! И это только в одной зачуханной деревеньке! А нас так по всей стране!

– И ты решил изобразить из себя такого американского героя-спасателя в развеваемом плаще и вязанных труселях поверх колготов? – с долей иронии подытожил Васек.

– Да, – не стал отнекиваться я. – Захотелось мне погеройствовать: поднять с колен Русь-Матушку! – пафосно произнес я.

И мы с Васьком весел заржали. Ржали долго, пока не закололо под ложечкой.

– И что ты надумал? – отсмеявшись, произнес Васек. – Тут я тебе не советчик! Ты ж у нас предсказатель. Вот и скажи, как все это провернуть?

– Этого я, к моему глубокому сожалению, не могу предсказать.

– А что ты вообще хочешь сделать? – спросил меня в лоб Васька. – И чем я, скромный финансист, могу в этом помочь?

Вот мы и подошли к нашему главному вопросу.

– Я хочу попытаться отменить еще не случившийся дефолт, – твердо заявил я. – А с тобой хочу посоветоваться, каким способом это можно повернуть?

Васька изумленно и молча пялился на меня минут, наверное, пять. Потом схватил со стола свой наполненный коньяком стакан, и так же молча его осушил, не отрывая от моего лица своих выпученных глаз. Выдохнул. Не глядя, схватил со стола кусочек сервелата и отправил его в рот.

– Серег... – наконец произнес он. – Ты действительно не понимаешь? Или просто придуриваешься? На данный момент ничего изменить нельзя! Понимаешь? Нельзя! Если ты, конечно, не старик Хоттабыч. Трень-трень волосок из бороды, и все в лучшем виде – забыли про грядущий дефолт...

– Аргументируй! – жестко потребовал я.

– Извольте! Я, конечно, не буду лезть в дебри экономической науке, я на пальцах...

– Давай, как можешь, – кивну я. – Главное, чтобы доходчиво – я-то не доктор экономических наук, как некоторые.

– Тады слушай, – произнес Васек, закидывая в рот еще кусочек колбасы, – что такое дефолт? – с видом заправского лектора спросил Васька. Дефолт – это нарушение платежных обязательств заемщика перед кредитором, неспособность производить своевременные выплаты по долговым обязательствам или выполнять иные условия договора займа.

– Это я понимаю...

– Хорошо. После распада Союза наша страна постоянно испытывает финансовые трудности. А где взять бабло? Только за бугром! Займы! Займы! Постоянные займы. Страна в долгах, как в шелках! Госдолг охренительный: десятки миллиардов долларов. Если хочешь узнать конкретную сумму, я суетнусь – есть свой человечек в Центробанке. Но по моим расчетам кризиса резервы ЦБ на нынешний момент около 24-х миллиардов, а обязательства перед нерезидентами на рынке ГКО/ОФЗ – это государственные краткосрочные обязательства и облигации федерального займа, пояснил Васек, – и фондовом рынке – свыше 36 миллиардов долларов. Общая сумма платежей государства в пользу нерезидентов более десятки!

– Понятно, – вновь кивнул я.

– После падения мировых цен на сырье – нефть, газ и металлы, иностранные кредиторы, опасаясь за свои сбережения, перестали давать в долг «странам с нестабильной экономикой». А что будет дальше, даже я тебе могу расписать, как по нотам...

– Погоди, Васек, если я закрою госдолг – кризиса удастся избежать?

Васек судорожно сглотнул, услышав от меня очередное заявление:

– Даже если у тебя и найдется подобная сумма... Это все равно ничего не изменит в перспективе! Мало ли займов брали? Где они все? Проглотят еще и даже не поморщатся! Только кричать будут – давай, давай еще! Здесь нужен другой, абсолютно кардинальный подход...

– Какой, Васек? – с надеждой спросил я приятеля.

– Если бы я знал, Серега... Если бы знал...

Этот день для Сергея Валентиновича не задался с самого утра: майор совсем не выспался. После вечернего посещения конторского "тату салона", кожа чудовищно чесалась. Некоторые наколки вспухли и покраснели. Температура подскочила. В общем, чувствовал себя с утра майор Сидоренко неважно. Но, как ответственный контрразведчик, он вышел на службу, невзирая на самочувствие. Направляясь в кабинет, Сидоренко столкнулся в коридоре с генералом Кузнецовым.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – блеснув покрасневшими глазами от недосыпа, поприветствовал начальника майор.

– Здравствуй, Сергей Валентинович! – ответил Кузнецов. – Похоже, что ты сегодня не в форме, майор? – Генерал обратил внимание на нездоровый румянец подчиненного. – Заболел?

– Никак нет, Владимир Николаевич! – по военному четко отрапортовал Сидоренко. – Здоров! Просто посетил вчера наших эскулапов...

– А! Защиту поставил! Молодец! – похвалил майора генерал. – Ощущения не из приятных?

– Есть немного, – согласился Сидоренко. – Зудит все... Спасу нет!

– Еще бы! – произнес генерал, прикоснувшись ладонью ко лбу майора. – А тебя голубчик еще и жар. Иди-ка ты, Сергей Валентиныч, до дому. К обеду будет еще хуже! Полная перестройка энергетики, это не шутки!

– Да я справлюсь, тащ генерал... – начал отнекиваться Сидоренко.

– Нет, дружище, – усмехнулся Кузнецов. – На сегодняшний день ты – балласт! Так что домой, в постель! И это приказ! – жестко отрубил генерал. – Пойдем ко мне, я немного облегчу твои страдания...

– Да не нужно, товарищ генерал! Что я, дите малое? – Даже слегка расстроился Сергей Валентинович.

– Делай, что я тебе сказал, – сурово произнес Кузнецов. – И покрепче тебя парни ломались! К вечеру тебя так скрутит – света белого... – Генерал открыл дверь кабинета, жестом приглашая майора внутрь. – Пару дней будет корежить, уж поверь моему опыту! Садись! – Кузнецов указал на кресло. – Наши спецы, конечно, мастера... Татуировки, я уверен, они правильно сделали. Но вот что после с тобою случится – их уже мало волнует. Значит так, Сережа, – Кузнецов вытряхнул из пачки большую таблетку быстрорастворимого аспирина, – примешь дома эту таблетку.

Владимир Николаевич вынул из ящика стола большую цыганскую иглу и протер её медицинским спиртом из пузырька. После этого генерал иглой выцарапал на таблетке несколько угловатых рун. Протерев еще раз иглу спиртом, он произнес:

– Руку дай мне... Левую.

Сидоренко без колебаний протянул руку начальнику. Кузнецов ловко проколол подчиненному подушечку большого пальца, а затем при помощи той же иглы разукрасил выцарапанные на таблетке руны кровью, что-то бубня себе под нос. Сергею Валентиновичу показалось, что пропитанные кровью руны слегка светятся. Он сморгнул, мотая головой – свечение исчезло.

«Показалось!» – решил Сидоренко.

– Нет, не показалось! – словно прочитав мысли майора, произнес генерал. – Символы зажглись – значит, я все правильно сделал! Заклинание активировано. Далее: топаешь домой, выпиваешь таблетку, ложишься в кровать... А завтра с утра – как огурчик! Понял?

– Так точно! – перестал спорить с генералом Сергей Валентинович, решив, что тому виднее. – Разрешите идти?

– Давай! – Кузнецов махнул рукой, показывая, что разговор окончен.

Но уйти майору домой в этот день было, видимо, не суждено. Едва он поднялся с кресла, как в кабинет генерала без стука ворвался растрепанный старлей Петрушин с горящими от возбуждения глазами.

– Товарищ генерал... Товарищ майор... Юсупова убили! – с отдышкой, не успев перевести дух, выпалил Слава.

– Как убили?! – синхронно воскликнули старшие офицеры.

– Наглухо! – выдохнул Петрушин. – Изрешетили из калашей в душлаг – живого места не найти! Мы даже рыпнуться не успели!

– Так, Слава, давай спокойно и по порядку! – невозмутимо произнес Кузнецов, справившись с первоначальным потрясением. – Водички попей! – Он указал старлею на графин с водой. – Дух переведи, а после докладывай. С толком, с расстановкой...

Петрушин бухнул в стакан воды из графина и выдул её в два больших и шумных глотка.

– Садись. – Генерал подтолкнул к старлею кресло. – Давай с самого начала. Когда все произошло?

– Часа полтора как... Как обычно Юсупов выехал из своего особняка в половину восьмого... Я с Андрюхой, то есть с лейтенантом Палкиным, – поправился он, – его сегодня до города должен был сопровождать... Мы в лесочке ночь перекантовались. На коттеджный поселок не совались – там охрана. Светиться ни к чему. Как только его «Мэрс» мимо проскочил, мы через пару минут за ним... А в метрах пятистах от трассы его и ждали... Когда мы выскочили – «Мерин» уже был в решето, Юсупов тоже. Нападавшие, они все в масках были, по нам тоже неслабо прошлись...

– Андрей жив? – не дрогнувшим голосом поинтересовался Кузнецов.

– Живой! Но тачка всё – в хлам! Мы в кусты, но чё наши пукалки против автоматов? Ушли они... Я сразу в дежурку позвонил, подкрепление вызвал...

– То-то я гляжу никого в отделе... Почему меня сразу в известность не поставили?! – гневно спросил генерал.

– Или меня? – подключился Сидоренко.

– Да как-то... – развел руками Петрушин. – Не до того было... Мы перехватить их собирались, посты предупредили...

– Ох уж мне эта ваша самостоятельность! – Владимир Николаевич приложился сухоньким кулаком по столешнице. Хотя удар был и не очень сильным, но Петрушин испуганно вздрогнул – таким генерала он еще не видел. – Ты хоть понимаешь, какого масштаба фигура этот Юсупов?

– Виноват, товарищ генерал! – глядя начальнику в глаза с видом побитой собаки, произнес Петрушин.

– А! – отмахнулся генерал. – Что сделано, то сделано! Распустил я вас... Парни уже на месте?

– На месте, Владимир Николаевич. Пока я в пробке торчал, отзвонились... Оцепили все, активировали "Сферу Невидимости". Ждут дальнейших указаний.

– Значит так, пусть пока держат "Сферу", чтобы ни одна собака... Особенно "МВД"... Пока я не договорюсь, чтобы дело передали под нашу юрисдикцию... Тело Юсупова нужно доставить к нашим спецам... Нет! Не выйдет у нас ни черта! Слишком уж известная фигура... Могут возникнуть проблемы... Значит, действуем так, – решил переиграть Кузнецов, – Слава, хватай Аарона Моисеевича и мухой в морг, возьмете там какого-нибудь жмурика из бомжей. Пусть Моисеич наложит качественную личину на его тело. Брамс это умеет, справиться лучше всех... Даже не личину, а "Переплавку" или "Копию". Поменяете тела. Юсупова к нам, а на подменыша пусть повесит "Ступор" и "Узнавалку".

– А "Ступор" – то для чего? – не понял Петрушин.

– Чтобы дольше с экспертизой тянули, пока мы у себя Юсупова исследуем! Сергей Валентиныч, уж извини, но придется тебе сегодня поработать...

– Я готов, товарищ генерал.

– Тогда на тебе менты. Организуй анонимный звонок, предупреди "коллег" об убийстве известного человека. Только скоординируй действия со Славой: менты должны появиться только после того, как наши подменят тело! Не раньше! Задницей чувствую: Юсупов всех нас очень сильно удивит!

– Так он же мертв! – не понял Сидоренко.

– Ты, Сергей Валентинович, человек у нас новый, – усмехнулся Кузнецов, – помяни мои слова – даже мертвый Юсупов нас удивит! Все! За работу! Да, Сережа, а таблеточку все таки выпей – полегче будет.

Глава 7

На месте преступления Сидоренко появился, когда Аарон Моисеевич – мелкий, невзрачный человечек с физиономией горького пьяницы (обманчивое впечатление – Брамс вообще в рот спиртного не брал), заканчивал свою работу. На сочной зеленой траве, хоть сейчас коси, да скирдуй, лежало два изуродованных тела. Над одним из которых колдовал Аарон Моисеевич Брамс – штатный криминалист-заклинатель шестнадцатого отдела. Майор поздоровался с оперативниками, а затем спросил Петрушина:

– Слава, а как же "Сфера Невидимости"? Я вас сразу заметил...

– Так вы ж, Сергей Валентинович, вчера у нашихконовалов были? Разукрасили они вас?

– Ты о татуировках?

– Ну...

– И причем здесь это?

– В числе прочих интересных рун и знаков, – пояснил старлей, – вам набили "Око Вотана". Так что морок типа нашей "Сферы" на вас не действует. Зато посмотрите, как он действует на непосвященного... – Петрушин указал пальцем на мужика с рюкзаком, топающего по тропинке как раз в нашем направлении. На любого человека, даже не сильно любопытного, зрелище продырявленной в решето дорогой машины, двух мертвых растерзанных пулями тел валяющихся на земле, да и всей нашей живописной компании, должны были произвести неизгладимое впечатление. Но мужик даже вида не подал: скользнул пустым взглядом, как будто нас не было, и пошел дальше своей дорогой.

– Эй, любезный! – громко крикнул Петрушин. – Мужик! Стой!

Но прохожий даже ухом не повел, пройдя буквально в десятке метров от нас.

– Что и требовалось доказать! – довольно произнес старлей. – "Сфера" работает!

Сидоренко оставил Петрушина и подошел к Брамсу:

– Аарон Моисеевич, сколько еще времени вам понадобится?

– А шо ви сами думаете, молодой человек? – с изумительным одесским акцентом отозвался Брамс, отрываясь от мертвого тела.

Майор взглянул на мертвяков и охнул от изумления: на снегу лежали два абсолютно одинаковых тела.

– Аарон Моисеевич свое дело знает – родная мать не отличит одного от другого! – гордо произнес Брамс.

– А раны? Это тоже морок? – поинтересовался майор. – На самом деле их нет?

– Вложите персты, Фома Неверующий! – скорчил потешную физиономию Брамс. – Не смешите мои тапки – это не примитивный морок, это качественная "Переплавка", я вам говорю! Поверьте моим словам, Аарон Моисеевич не зря ест свой кусок хлеба! Можете положить «куклу» на место и снимать "Сферу".

В кармане майора пискнул телефон.

– Слушаю, – ответил Сидоренко в трубку. – Да, я понял. Парни, – убрав телефон обратно, крикнул Сергей Валентинович, – через десять-пятнадцать минут здесь будут МВДешники! Завершаем операцию!

Оперативники быстро загрузили настоящее тело Юсупова в служебную машину, а затем засунули "Куклу" в расстрелянный "Мерседес".

– А теперь отойдите подальше! – предупредил Брамс. – Аарон Моисеевич подчистит следы вашего присутствия... Как будто оно мне надо? – по привычке бурчал Брамс, делая странные пассы руками.

Истоптанная оперативниками трава поднималась, словно на нее никогда не ступала нога человека, исчезли кровавые следы от лежащих на земле тел.

– А Брамс настоящий виртуоз! – шепнул майору на ухо Петрушин. – Оставляет только следы преступления... Черт, да как он все это делает?

– Я, юноша, корректирую картинку через временную проекцию! – ответил Аарон Моисеевич, непонятно каким образом расслышавший слова Петрушина. – Отходите подальше и снимайте "Сферу", – распорядился Брамс. – Я закончил.

Оперативная машина с телом Юсупова уже уехала. Брамс ушел пешком, сказав, что хочет прогуляться по зеленому лесочку и восстановить подпорченную энергетику. Вернется сам. На электричке. На месте преступления остались лишь майор Сидоренко и старший лейтенант Петрушин.

– Ну что, Слава, деактивируй "Сферу". Я-то и не знаю, как это делается, – признался Сергей Валентинович.

– Ничего, товарищ майор, научитесь, – ответил старлей. – Я так первое время вообще... Что он "вообще" Петрушин не договорил. Он достал из кармана перочинный нож и огляделся по сторонам.

– Вроде бы никого, – произнес он, втыкая нож в землю. – Самое время!

Он провернул лезвие ножа в земле, что-то прищептывая при этом несложном действии. – Все готово, – наконец сообщил он. – Уходим?

– Уходим, – согласился Сидоренко.

Машину он благоразумно оставил на обочине трассы. Лишний раз светиться ни к чему, даже если на автомобиль и навешены всевозможные магические спецпримочки. Контрразведчики скрылись в ближайшем подлеске, и из кустов принялись наблюдать за местом происшествия, который лишился "Сферы Невидимости". Через минуту на дорогу вышла пожилая женщина, увидев расстрелянный автомобиль, она уронила на землю пластиковый пакет, который несла, и схватилась руками за голову. Еще минут через пять, возле "Мерседеса" Юсупова, остановился дорогой джип, пыливший по дороге от коттеджного городка.

– Вот и очевидцы, – констатировал Петрушин. – Можно валить отсюда!

– Да-да! – согласился майор.

С милицейским кортежем они столкнулись, уже загрузившись в свою машину.

– А вот и наши архаровцы! – проводив верещащие и мигающие огоньками автомобили, сказал Слава. – Пусть теперь они поработают!

Кремнев с трудом пристроил свой старенький "Опель-Астру" на забитой парковке возле института и вылез из машины. После уютного и охлажденного салона автомобиля, раскаленный воздух жаркого летнего дня был сопоставим с настоящей финской сауной. Аркадий запер машину и, впечатывая подошвы ботинок в расплавленный асфальт, побежал к зданию. Но до дверей института ему добраться не дали: дверь черного "Митсубиси-Паджеро" с тонированными стеклами, стоящего в соседнем ряду, неожиданно открылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.